

ДЖЕЙМС КОРИ ПАДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

JAMES S. A. COREY
LEVIATHAN FALLS

Пространство

Джеймс Кори

Падение Левиафана

«СОЮЗ»

2021

Кори Д. С.

Падение Левиафана / Д. С. Кори — «СОЮЗ»,
2021 — (Пространство)

ISBN 978-5-6048352-4-1

Как бороться с, казалось бы, непобедимым противником? Солнечная система захвачена космическим флотом, модернизированным с помощью инопланетных технологий, а Уинстон Дуарте, единственный правитель бесчисленных миров, считает себя новым этапом эволюции. И хотя падение Лаконской империи освободило из-под власти Дуарте более тысячи солнечных систем, древний враг не дремлет и вновь начинает войну против нашей вселенной. Но человечество еще не погибло, и у капитана Джеймса Холдена и команды «Росинанта» уже есть план, как сложить будущее из руин и обломков прошлого и создать великую галактическую цивилизацию, избавленную от войн, розни, лжи и секретов. Не пропустите невероятно захватывающее завершение величайшей космооперы десятилетия, награжденной премией «Хьюго» и вдохновившей создателей сериала The Expanse.

ISBN 978-5-6048352-4-1

© Кори Д. С., 2021
© СОЮЗ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Джим	11
Глава 2. Танака	16
Глава 3. Наоми	22
Глава 4. Элви	27
Глава 5. Танака	33
Глава 6. Наоми	39
Глава 7. Джим	44
Интерлюдия. Спящая	49
Глава 8. Элви	50
Глава 9. Кит	55
Глава 10. Фаиз	59
Глава 11. Тереза	65
Глава 12. Танака	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джеймс С. А. Кори Падение Левиафана

JAMES S. A. COREY

«Liviathan falls», 2021

© Перевод с английского, Галина Соловьёва

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Девять книг позади, а вы еще здесь? Тогда эта – для вас

Пролог

Жил на свете человек по имени Уинстон Дуарте. А потом сгинул.

Его последний миг был ничем не примечателен. Дуарте сидел на диване в личном кабинете в самом сердце здания Государственного совета. На экране, встроенном в стол из зернистой, как песчаник, лаконской дождевой древесины, дожидались его внимания тысячи докладов. Часовой механизм империи медленно, со скрежетом вращался, с каждым оборотом колеса стирая зазубрины и двигаясь глаже и точнее. Дуарте не в первый раз просматривал доклад службы безопасности с Оберона, где губернатор в ответ на насильственные действия сепаратистов начал вербовку местных в службу охраны порядка. Дочь Дуарте Тереза опять отправилась на поиски запретных приключений за границей территории. Такие одиночные пешие вылазки, когда девочка воображала, будто сумела скрыться от бдительного взора охраны, были необходимы для ее развития, так что он смотрел на них не просто снисходительно, но и с гордостью.

Он совсем недавно рассказал дочери, чего ждет от нее: что она станет второй пациенткой Паоло Кортасара, подобно ему расширит и углубит сознание, продлит свою жизнь если не навечно, то на неопределенно долгий срок. Лет через сто они все еще будут возглавлять империю человечества. И через тысячу. И через десять тысяч.

Если...

Вот что так ужасно давило на него. Это всепоглощающее «если». Если он сумеет расшевелить погрязшее в самоуспокоенности человечество. Если сумеет убедить этот бесчисленный и разнородный сброд предпринять действия, необходимые, чтобы избежать судьбы предшественников. Человечество либо сумеет понять и остановить скрывающуюся по третью сторону врат тьму, либо будет ею убито.

Эксперимент в системе Текома ничем не выделялся среди других переломных шагов человеческой истории, начиная с того, когда первое млекопитающее привстало на задние лапы, чтобы увидеть скрытые травой горизонты. И этот, если получится, тоже все изменит. Каждый шаг меняет все, что было до него. В жизни это самое обычное дело.

В те последние мгновенья он потянулся было за чаем, но одно из непривычных новых чувств, полученных от доктора Кортасара, подсказало ему, что чайник остыл. Восприятие молекулярных вибраций напоминало телесное восприятие тепла – измеряло то же свойство материала, – но чувства обычного человека были детской свистулькой в сравнении с великой симфонией новых ощущений Дуарте.

Настал последний миг.

В одно мгновение – между решением послать слугу за новым чайником и движением руки к клавише вызова – разум Уинстона Дуарте разлетелся пучком соломы под ураганным ветром.

Было больно – очень больно – и страшно. Но некому стало ощущать боль и страх, поэтому чувства быстро погасли. Не осталось ни сознания, ни связей, некому стало думать вздымающиеся и гаснущие мысли. Нечто более тонкое – более изящное, более сложное – погибло бы. Цепь биографический воспоминаний, мыслившую себя Уинстоном Дуарте, разнесло на куски, но его тело осталось. Слабые токи энергии в теле взвихрила, порвав все связи, невидимая турбулентность. И некому было заметить, как они стали замедляться и замирать.

Тридцать триллионов клеток еще вбирали кислород из сложного состава его крови. Те структуры, что были его нейронами, устанавливали связи с другими такими же – как пьянчужки-собутельники, не создавая того, в унисон поднимают стаканы ко рту. Возникло нечто, чего не было прежде. Процесс, заполнивший оставшуюся от прежнего пустоту. Не танцор, а танец. Не вода, а водоворот. Не личность, не разум. Нечто.

Вернувшись, сознание проявило себя прежде всего в цветах. Синева, но без названия для синего цвета. Красное. Затем белое – тоже что-то означавшее. Обрывок идеи. Снег.

Пришла радость и продлилась дольше, чем прежде страх. Глубокое, бурливое удивление уносило само себя, потому что больше уносить было нечего. Вздymались и ниспадали процессы – складывались и распадались порядки. Те, что распадались медленнее других, вступали в отношения друг с другом, и это иногда позволяло им продержаться подольше.

Подобно младенцу, постепенно сводящему прикосновение, вид, кинестетические ощущения в нечто, еще не названное «ногой», обрывки восприятий соприкасались со вселенной и складывались в некое понимание. Нечто, загоняя химические вещества в зияющие меж клетками пустоты, ощущало свою неуклюжую, животную телесность. Оно чувствовало связующие миры грубые открытые вибрации вокруг врат и думало о воспалении, о язвах. Оно ощущало нечто. Оно думало нечто. Оно вспоминало, как вспоминать, и тут же забывало.

Имелась причина, цель. Нечто оправдывало жестокость ради предотвращения больших жестокостей. Он предал свой народ. Он изменил миллиардам. Он приговорил верных ему людей к смерти. На то была причина. Он помнил. Он забыл. Он заново открыл величественное сияние желтизны и весь отдался этому чистому ощущению.

Голоса доносились до него симфонией. Слышались ему криком. Он с удивлением открыл, что волнуется и что волнуется он. Ему полагалось бы что-то делать. Спасать человечество. Какое-то до смешного великое дело.

Он забыл.

«Вернись, папа! Вернись ко мне».

Он, как в пору ее младенчества, когда спал с ней рядом, привычно переключился на нее. Дочь захныкала, и он поднялся, чтобы не пришлось вставать жене. Она держала его за руки. Что-то говорила. Слов он припомнить не мог, поэтому обратился в прошлое, туда, где она их произносила. «Доктор Кортасар? Он хочет меня убить».

Что-то здесь неправильно. Он не знал, что не так. Там, в другом месте, громко, тихо и громко бушевала буря. Тут была связь. Ему полагалось бы всех спасти от тех, кто в буре – кто и являлся этой бурей. Или от их собственной слишком человеческой природы. Но здесь была дочь, и это интереснее. Он видел напряжения в ее мозгу, в ее теле. Боль ее крови насытила воздух вокруг нее, и он захотел. Он захотел исправить все, что с ней не так. Но куда интереснее, что он впервые *захотел*.

Эти странные ощущения собственных чувств теребили его внимание, уводили его в сторону. Он, не выпуская ее руки, отвлекся. А когда вернулся, та, кто держала его за руку, была уже другой.

«Нам нужно только просканировать вас, сэр. Это не больно».

Он вспомнил доктора Кортасара. «Он меня убьет». Он развеял Кортасара, растолкал пустоты между частицами, придававшими ему материальность, заставив того рассыпаться в прах. Ну вот, это он исправил. Но усилие его утомило, от него заныло тело. Он позволил себе уплыть, но при этом отметил, что его меньше сносит течением. Разлетевшаяся вдребезги нервная система срасталась. Тело упрямо желало продолжаться, даже если не могло продолжиться. Он восхитился таким упорным отрицанием смерти как чем-то внешним по отношению к себе. Бессмысленный физический импульс к движению: каждая клетка решительно цепляется за бытие, и ее воля к продолжению себя не нуждается в усилиях воли. Все это что-то означало. Было важным. Чем, он не помнил. Что-то касательно его дочери. Он должен о ней позаботиться.

Он вспомнил. Вспомнил себя отцом, любящим свое дитя, и через это воспоминание вспомнил себя человеком. Эта связь была крепче честолюбия строителя империи. Он вспомнил, что превратил себя в нечто отличное от человека. В нечто большее. И понял, как эта чуждая сила в то же время и ослабила его. И что животное, неумолимое притяжение тела удержало

его от небытия. Меч, сразивший миллиарды ангелов, для приматов в металлических пузырях воздуха оказался лишь неудобством. А человек по имени Уинстон Дуарте, захваченный на полпути между обезьяной и ангелом, сломался, но не погиб. Обломки отыскивали собственный путь.

И еще что-то было. Человек с сухими руслами в сознании. И еще один человек, тоже измененный. Джеймс Холден – он был врагом и врагом его врага – в прошлом, до того как Уинстон Дуарте, сломавшись, стал быть.

Он с бесконечным напряжением и осторожностью стянул невыносимую огромность и сложность своего сознания вовнутрь, втиснул в то, чем стал. Синева поблекла до знакомого человеку цвета. Поблекло ощущение угрозы от бури, свирепствовавшей рядом на той стороне. Он ощутил теплый, с железистой примесью, запах плоти от своей пустой руки. Он открыл глаза, нажал клавишу коммутатора и включил связь.

– Келли, – сказал он, – вы не принесете мне новый чайник?

Пауза затянулась меньше, чем можно было ожидать при таких обстоятельствах.

– Да, сэр, – сказал Келли.

– Спасибо.

Дуарте выключил связь.

В его кабинете установили больничную кровать с аэрацией антипролежневого пеноматраса, но сидел он за своим столом, словно и не покидал этого места. Он провел инвентаризацию своего тела, отметил слабые места. Мускулы истончились. Он встал, заложил руки за спину и подошел к окну посмотреть, что увидит. Он видел.

За окном моросил светлый дождь. На дорожках стояли лужицы, блестела отмытая трава. Он потянулся к Терезе и нашел ее. Она была не близко, но и не в беде. Как будто он опять следил за ее прогулками по дикой местности, только на этот раз без помощи объективов. Его любовь и снисходительность к ней были огромными. Как океан. Но не торопили. Лучшим проявлением любви к ней станет его труд, и он взялся за работу.

Дуарте вывел общую сводку – так он начинал каждый день. Обычно сводка занимала страницу. Эта составила целый том. Он разобрал ее по категориям, выделил ветку, относящуюся к трафику через пространство колец.

Дела без него шли, мягко говоря, не лучшим образом. Научный доклад по гибели станции «Медина» и «Тайфуна». Военная аналитика по осаде Лаконии, по потере строительных платформ. Резюме разведки по нарастанию сопротивления в разрозненных системах и сведения о попытках адмирала Трехо без него сбросить его мечту об империи.

Однажды, вскоре после кончины своей матери, Тереза решила приготовить ему завтрак. Она была совсем маленькой, ничего не умела, и вышло у нее плохо. Он запомнил пережаренный кусок хлеба с горкой джема и пристроенным сверху кусочком масла. В том сочетании самоуверенности, любви и жалости была своя красота. Воспоминание потому и уцелело, что любовь так точно сложилась с чувством неловкости. То же было и здесь.

Теперь он отчетливо сознавал пространство колец. Он слышал его отзвуки в ткани реальности, как, прижавшись ухом к корабельной обшивке, слышишь работу двигателя. Ярость врага была теперь для него явной, как если бы он слышал ее голос. Визг, раздражающий нечто непохожее на воздух в чем-то, что нельзя назвать временем.

– Адмирал Трехо, – позвал он, и Антон вздрогнул.

* * *

Шла пятая неделя пресс-тура, который Трехо сочетал с реконкистой Солнечной системы. Он, досуха выжатый долгим днем рукопожимания и речеговорения с местными чиновниками и вождами, засел у себя в каюте. Он воплощал лицо держащейся на соплях империи, заслонял

собой, не давал никому увидеть, как близок ее конец. После недели на жестоком ускорении от Лаконии эта работа давалась ему тяжело. Больше всего на свете он мечтал основательно выпить и на восемь часов залечь в постель. А лучше на двадцать. Вместо этого он вел видеосовещание с генеральным секретарем Дачетом и его марсианским коллегой – оба находились сейчас на Луне, достаточно близко, чтобы световой лаг не мешал разговору. Политики лгали улыбками. Трехо улыбкой угрожал.

– Разумеется, нам понятна необходимость возведения орбитальных верфей и их скорейшего ввода в строй, – говорил Дачет. – Но, учитывая правовой вакуум после недавней атаки на Лаконию, нас в первую очередь волнует безопасность предприятий. Нам нужны гарантии, что ваши корабли сумеют защитить столь ценное имущество. Нам совершенно не хочется изображать из себя мишени для подполья.

«Вам только что надавали пинков, подорвали ваши верфи, угробили два самых мощных корабля, и империя ваша едва жива. Хватит у вас кораблей, чтобы заставить нас подчиниться и работать на вас?»

– Да, мы понесли потери. – Трехо растягивал слова, как всегда в гневе. – Однако причин для озабоченности нет. наших истребителей класса «Пульсар» более чем достаточно для обеспечения безопасности системы Сол.

«Две дюжины таких кораблей позволили мне вернуть вас под свою руку, а если не будете слушаться, у меня их еще до хрена».

– Превосходно сказано, – подключился марсианский премьер-министр. – Прошу вас сообщить верховному консулу, что мы не пожалеем усилий для соблюдения графика производства.

«Пожалуйста, не надо ковровых бомбардировок наших городов!»

– Я передам ему, – ответил Трехо. – Верховный консул дорожит вашей верностью и поддержкой.

«Дуарте – слюнявый маразматик, но, пока вы даете корабли, позволяющие не развалить империю на куски, я, так и быть, не стану превращать ваши планетки в стекло, и может статься, все останутся в выигрыше».

Трехо отключил связь и откинулся в кресле. Он уже слышал тихий зов припасенной в каюте бутылки виски. Застеленная свежим бельем постель звала куда громче. Времени не было – ни на первое, ни на второе. Подполье все еще баламутило тринадцать сотен систем. И это только его человеческие проблемы. Вдобавок к ним предстояло разобраться с воротами и теми, кто засел в них, – теми, кто разом отключал сознание целых систем, будто принимавался, искал способ прикончить все человечество.

Нет покоя злодеям. Нет отдыха и добрым людям.

– Связь с представителем Ассоциации миров в системе Сол – имени не помню, – приказал он. Слышал его только корабль.

«Соединение устанавливается», – загорелось на экране. Опять лживые улыбки. И скрытые угрозы. Опять – он использовал это слово как эвфемизм – дипломатия.

– Антон, – услышал он тихий дружеский оклик.

Трехо развернулся вместе с креслом – лицом к комнате. Уинстон Дуарте стоял в ногах его кровати. Руки он заложил за спину, одет был в свободную домашнюю рубашку и черные брюки. Босой. Волосы всклокочены как спросонья. И, если верить глазам, он был здесь собственной персоной.

– Тревога, – произнес Трехо. – Полный досмотр этого помещения.

Дуарте обиженно поморщился.

– Антон!

Корабль в миллисекунды прочесал каждый дюйм каюты в поисках чего-либо или кого-либо неположенного. Экран доложил, что в помещении не обнаружено подслушивающих

устройств, опасных веществ, неавторизованной техники. И только он сам из присутствующих. Корабль запросил разрешение на вызов вооруженной охраны.

– У меня удар? – обратился Трехо к привидению.

– Нет, – ответил Дуарте, – хотя выспаться тебе бы не помешало. – Призрак пожал плечами – движение было почти виноватым. – Послушай, Антон, ты сделал для сохранения империи все возможное, никто не вправе требовать от тебя большего. Я знаю, как трудно тебе пришлось.

– Вас здесь нет, – сказал Трехо, выставляя против лжесвидетельства всех органов чувств единственно возможную реальность.

– Для меня понятие «здесь» стало на удивление растяжимым, – согласился Дуарте. – Я чрезвычайно ценю твои усилия, но теперь ты можешь сдать пост.

– Нет. Это еще не конец. Я продолжаю борьбу за империю.

– И я это ценю. Действительно ценю. Но мы выбрали не тот путь. Мне еще нужно время спокойно все обдумать, но теперь я вижу яснее, и все будет хорошо.

Трехо как волной накрыло желанием услышать эти слова – и поверить им. Первый поцелуй любви потряс его меньше.

Дуарте улыбнулся с грустным юмором.

– Мы с тобой выстроили империю галактических масштабов. Кто бы мог подумать, что мы мелко мыслим?

Образ, иллюзия, проекция – чем бы он ни был, он пропал внезапно, словно из кинопленки вырезали кадр.

– Чтоб меня! – сказал в пустоту Трехо. На настольном экране еще мигал сигнал тревоги. Он хлопнул ладонью по коммутатору.

– Сэр, – произнес дежурный офицер, – нам поступил сигнал активной тревоги из вашего помещения. Вам требуется?..

– У вас пять минут на подготовку максимального ускорения в сторону кольца.

– Сэр?

– Включайте предупреждение, – сказал Трехо. – Всем в койки. Возвращаемся на Лаконию. Немедленно.

Глава 1. Джим

– Нас прозванивают, – доложил Алекс. В его голосе проявилась легкая распевность, всегда означавшая, что пилот не ждет от жизни ничего хорошего.

Джим, сидевший в рубке перед тактической схемой системы Кроноса, отметил, что сердце забилося вдвое чаще, но все же попробовал возразить:

– Ну, стук в дверь еще не значит, что он знает, кто сидит в домике. Продолжаем играть, как играли.

«Росинант» изображал из себя легкий грузовик, какими кишела система Кроноса. Наоми настроила эпштейновский двигатель на выброс искажающих следовую подпись загрязнений и повышенную отдачу тепла. На подпольной верфи в системе Гарриса им на обшивку наварили изменившие силуэт судна пластины. Просачивающийся на поверхность жидкий водород менял и термический профиль корабля. Когда Наоми представляла свой план камуфляжа, все сочли его вполне приемлемым. Но при первой же угрозе Джим почувствовал себя голым.

Вражеский фрегат носил имя «Черный змей». Он уступал размерами истребителям класса «Буря», но был хорошо вооружен и, как все военные корабли Лаконии, имел самозаживляющуюся наружную обшивку, что делало его почти бессмертным. Он входил в группу охотников, отслеживающих по всем необитаемым системам дочь верховного консула Терезу Дуарте – признанную наследницу империи и в данный момент механика-практиканта на «Росинанте».

Можно подумать, с ними такое в первый раз!

– Что-то еще? – спросил Джим.

– Только прозвон лидаром, – сказал Алекс. – Не прогреть ли на всякий случай картечницу?

У Джима вертелось на языке: «Да, давай прогреем», – но за него ответила Наоми:

– Нет. По некоторым признакам их новые сенсорные системы распознают состояние рельсовых пушек.

– Так нечестно, – пожаловался Джим. – Никого не должно касаться, что проделывает команда со своими личными пушками на своем личном корабле.

В голосе Наоми он услышал улыбку.

– В принципе согласна, но давайте не будем включать пушки, пока они нам не понадобятся.

– Принято, – сказал Алекс.

– Все еще ограничиваются прозвоном? – спросил Джим, хоть и видел то же самое, что Алекс. Да Алекс и сам бы сказал.

– Связь молчит.

Кронос был не то чтобы мертвой системой, но близкой к тому. Его большая звезда быстро выгорала. Когда-то в его зоне Златовласки была пригодная для жизни планета – достаточно обитаемая, чтобы дать протомолекуле биомассу на строительство врат. Но от возникновения врат до появления в руинах чужой цивилизации человечества прошли несчетные эпохи, и зона Златовласки успела сместиться. Живая планета еще не скрылась в короне расширяющейся звезды, но океаны с нее выкипели подчистую, и атмосферы не осталось. Местная жизнь сохранилась только на влажном спутнике газового гиганта на окраине системы и представляла собой, в сущности, жестоко конкурирующую пленку скользкой плесени величиной с материк.

Из людей в системе Кроноса обитали тысяч десять рудокопов на ста тридцати двух участках. Корпорации, спонсируемые правительствами акционерные общества, независимые старатели на прыгунах и полулегальные гибриды трех первых обдирали палладий с довольно богатой россыпи астероидов и пересылали его тем, кто еще производил кондиционеры или занимался терраформированием. То есть всем и каждому.

В прежние времена Кронос был дальней окраиной Союза перевозчиков, потом жопой Лаконской империи, а теперь никто не сумел бы сказать, что он собой представляет. По всей сети врат насчитывались сотни таких систем: несомокупающихся и не мечтающих окупиться, занятых углублением собственной экономической ниши и не вступающих ни в какие коалиции. В таких местах подполью удобно было скрывать и ремонтировать корабли, а также строить планы на будущее. На тактической схеме метки с орбитами, статусами, составом и юридической принадлежностью астероидов облепили свирепую звезду облачком пылицы в весенний день. Вокруг участков, где велась добыча или разведка, теснились десятки кораблей. Еще столько же поодиночке перелетали от форпоста к форпосту или таскали воду для реактивной массы и радиационной защиты.

«Черный змей» вошел в кольцо три дня назад, торпедировал радиотранслятор подполья на наружной стороне врат и теперь неспешно разгуливал по системе на манер бездельника в модном ночном клубе. Врата обычно не вращались по орбите звезды, а держались на месте, словно забросив якорь в вакуум. Это было не самой большой из их странностей. Джим позволил себе надеяться, что «Змей» ограничится расстрелом пиратского передатчика подпольщиков. Что, побесчинствовав немного здесь, враг свалит резать условные телеграфные провода в следующей системе.

А он остался и прочесывал систему. Искал их. Терезу. Наоми – действующего лидера подполья. И его.

Когда дисплей коммутатора высветил зеленый значок входящей передачи, у Джима скрутило нутро. На этом расстоянии до боя оставался не один час, но всплеск адреналина случился такой, будто кто-то уже выстрелил. Близкий, всепоглощающий страх заслонил от него все необычное.

– Передают, – сказал Алекс по корабельной связи, и через палубу над головой Джим тоже услышал его голос. – Удивительно... Не по направленному лучу... Похоже, это не нам.

Джим открыл канал связи. Женский голос сухо рубил фразы – для лаконского офицерства эта манера была вроде акцента.

– ...агрессивные действия с соответствующими последствиями. Повторяю сообщение. «Черный змей» зарегистрированному грузовозу «Скоропортящийся продукт». Согласно приказу сил безопасности Лаконии вам надлежит выключить двигатель и приготовиться к приему на борт инспекции. Неповиновение будет рассматриваться как агрессивные действия с соответствующими последствиями. Повторяю сообщение...

Джим включил фильтр тактической схемы. «Скоропортящийся продукт» находился от «Роси» в тридцати градусах в направлении вращения и разогнался в сторону большого жаркого солнца. Если они и слышали сообщение, пока ничего не предпринимали.

– Они из наших? – спросил Джим.

– Нет, – отозвалась Наоми. – Числятся имуществом некоего Дэвида Калрасси с Бара Гаона. Не знаю такого.

Учитывая световой лаг, «Продукт» должен был принять сообщение на десять минут раньше «Росинанта». Джиму представилось, как паникует тамошняя команда. Он сам с ужасом ждал такого сообщения. Как бы то ни было, пока что «Росинант» не в перекрестье прицела. Жаль, что Джим не мог до конца прочувствовать облегчение.

Отстегнувшись, он перевернулся в амортизаторе. Зашипели шарниры ложементов.

– Я на минутку в камбуз, – сказал он.

– Прихвати и мне кофе, – попросил Алекс.

– Э, нет, никакого кофе. Мне бы ромашкового чая или теплого молока. Чего-нибудь мягкого, успокаивающего.

– Хорошо звучит, – согласился Алекс. – Когда передумаешь и будешь варить кофе, прихвати и мне.

В лифте Джим прислонился к стенке, переживая сердцебиение. Вот так и случаются сердечные приступы, да? Пульс как начнет частить, так и не унимается, пока не лопнет что-то важное. Может, он и ошибался, но чувствовал себя именно так. Все время так себя чувствовал.

Он поправлялся. Ему легчало. Автодок отрастил ему потерянные зубы. Унизительно, когда приходится, как младенцу, делать укольчик от зуда в деснах, но в остальном все прошло благополучно. Кошмары уже были для него старыми знакомыми. Начались они в плену на Лаконии. Джим ждал, что на свободе они прекратятся, а стало еще хуже. В последнем его хоронили заживо. Чаше снилось другое: кого-то из любимых людей убивали в соседней комнате, а он не успевал набрать код замка, чтобы их спасти. Или поселившийся у него под кожей паразит искал выход наружу. Или лаконские тюремщики снова приходили его избивать и ломали зубы.

Как тогда.

Зато, похоже, были сняты с показа старые ужасы, в которых он забывал одеться или неподготовленным сдавал экзамен. Не так уж худо ему жилось во сне.

Бывали дни, когда он не мог избавиться от тревожного чувства. Где-то в мозгу засела беспричинная, иррациональная уверенность, что мучители с Лаконии непременно его отыщут. Более оправданным был страх перед теми, кто скрывался за воротами. Перед апокалипсисом, уничтожившим строителей врат и теперь нацелившимся на человечество.

Если взглянуть в таком свете, возможно, все с ним было в порядке. Наверное, при таком положении дел ощущения, которые он до лаконского плена считал бы безумием, были здоровыми и нормальными. И все-таки жаль, что он не всегда отличал вибрацию неровной работы двигателя от собственной дрожи.

Лифт остановился, Джим покинул кабину и свернул к камбузу. Тихий ритмичный стук собачьего хвоста по палубе подсказал ему, что Тереза с Ондатрой пришли раньше него. И Амос – черноглазый, серокожий, восставший из мертвых – тоже был там, сидел за столом и, как всегда, по-хозяйски радушно улыбался. Джим не видел, как лаконская охрана прострелила ему затылок, но знал, что за дроны заново собрали обрывки человеческой плоти. Наоми все еще не могла решить для себя, считать ли его тем Амосом, что много лет летал с ними механиком, или механизмом чужаков, вообразившим себя Амосом потому, что создан из его тела и мозга. Джим решил, что Амос, даже если изменился внешне и нахватался обрывков знаний о древних чужаках, есть Амос. Обдумать этот вопрос глубже у него не хватало сил.

К тому же его любила собака. Такую проверку не назовешь решающей, но наименее неточной назвать можно.

Сидевшая у ног Терезы Ондатра с надеждой уставилась на Джима и снова забила хвостом.

– Нет у меня сосиски, – заглянув в выразительные карие глаза, сказал Джим. – Обойдешься, как все, концентратами.

– Вы ее избаловали, – заявила Тереза. – Теперь она вам это припомнит.

– Если я попаду в рай, – ответил ей Джим, – пусть это будет за то, что баловал собак и детей.

Он машинально набрал код гриши с кофе. Спыхватился – и запросил вторую, для Алекса.

Тереза Дуарте, пожав плечами, вернулась к тубе с грибами и пряностями на полезной для пищеварения волокнистой массе – так она завтракала. Волосы она стягивала в темный «конский хвост», неизменно опущенные уголки губ отражали то ли характер, то ли особенности организма. Она росла на глазах у Джима в здании Лаконского государственного совета и выросла из самонадеянного ребенка в бунтующего подростка. Сейчас ей исполнилось пятнадцать, и он успокаивал себя, припоминая пятнадцатилетнего Джима: тощего темноволосого мальчишку из Монтаны, не знающего толком, чем занять себя в жизни, и придерживающего как запасной вариант вербовку в военный флот. Тереза казалась старше, чем Джим в ее возрасте, больше знала о мире и меньше его одобряла. Пожалуй, они друг друга стоили.

Когда Джим был пленником ее отца, Тереза его боялась. Теперь, когда она оказалась на его корабле, страх куда-то испарился. Тогда он был ей врагом, но и теперь Джим сомневался, считает ли она его другом. Где ему разбираться в эмоциональных сложностях социализировавшегося в изоляции подростка. Раздатчик доделал кофе для него и Алекса, и Джим, забрав груши, порадовался греющему ладони теплу. Дрожь почти прошла, а горечь кофе успокаивала лучше чая.

– Скоро надо будет дозаправиться, – заговорил Амос.

– Правда?

– С водой у нас порядок, а топливных пеллет не помешает добавить. И восстановители воздуха уже не те.

– Плохо дело?

– Несколько недель еще продержимся, – сказал Амос.

Джим кивнул. Он уже собрался отмахнуться, отложить проблему на завтра. Только это было бы ошибкой. «На хрен все, что не прямо сейчас» – это кризисное мышление, которое, если от него не избавиться, приводит к новым кризисам.

– Поговорю с Наоми, – обещал он. – Что-нибудь сообразим.

«Если нас не разыщут лаконцы. Если не убьют те, из-за врат. Если нас прежде не прикончит одна из тысячи катастроф, которых я и в мыслях не держал».

Он глотнул еще кофе.

– Ты как, капитан? – спросил Амос. – Что-то ты малость дерганый.

– Отлично, – заверил Джим. – Прикрываю практически не прекращающуюся панику легким юморком – как все.

Амос после мгновения жуткой неподвижности – одной из примет его новой личности – улыбнулся шире прежнего.

– Тогда все в порядке.

Через корабельную связь подал голос Алекс:

– У нас новости.

– Хорошие?

– Какие-то, – уточнил Алекс. – «Скоропортящийся продукт» выбросил в космос некую жидкость и гонит как черт к той большой торговой станции во внешнем поясе.

– Принято, – отозвалась Наоми тоже по связи и с тем новым хладнокровием, которое Джим про себя называл «голосом командера Нагаты». – Подтверждаю.

– А «Черный змей»? – обратился к стене Джим.

После короткого молчания ответил Алекс:

– Похоже, гонят за ним.

– Удаляются от кольца?

– И правда, – с нескрываемым удовольствием подтвердил Алекс.

Облегчение продлилось недолго. Джим уже обдумывал все возможные ловушки. Если «Роси» поспешит свернуть к кольцу – привлечет к себе внимание. Даже если разойдется с «Черным змеем», в пространстве колец могут поджидать другие лаконские корабли, рискующие собой, чтобы перехватывать беглецов из системы.

– Почему они бегут? – удивилась Тереза. – Неужели надеются уйти? Это ведь глупо.

– Они не корабль пытаются спасти, – ответил ей Амос с тем же философским терпением, с каким объяснял, как варить швы при микрогравитации или проверять герметичность труб. Голосом учителя, рассказывающего студенту, как устроен мир. – Не знаю, что там у них такое на корабле, что может взбесить лаконцев, но спрятать это они не сумеют. Уж очень здесь прозрачная система. И затаиться, чтобы сменить позывные транспондера, тоже не успеют, так что кораблю конец. Зато на большой торговой станции можно высадить экипаж, чтобы перебрался на другие корабли или смешался с местными.

– Бегут туда, где есть шанс спрятаться, – заключила Тереза.

– И чем больше выиграют времени, тем больше у них шансов, – сказал Амос.

«На их месте могли быть мы, – думал Джим. – Сочти нас „Черный змей“ хоть немного подозрительнее „Продукта“, нам пришлось бы пожертвовать „Росинантом“ в надежде стать маленькими и незаметными, чтоб не сыскали». Только это был самообман. Не нашлось бы в системе Кроноса такого тайника, куда бы не заглянула Лакония. Их единственной надеждой был неприметный вид, потому что любой план Б вел к столкновению.

Он считал, что ни словами, ни видом не выдал своего отчаяния, но ошибся, потому что Тереза уставилась на него с обидой и жалостью:

– Вы же знаете, я не позволю им причинить вам зло.

– Уверен, что ты постарайся, – кивнул Джим.

– Я все-таки дочь верховного консула, – напонила она. – Я уже выручала вас из беды.

– Второй раз я на тот же трюк не положусь, – резче, чем ему хотелось, возразил Джим.

Ондатра шевельнулась, тяжеломерно поднялась на ноги и забегала глазами от него к Терезе. Взгляд девочки стал жестким.

– Думаю, капитан хочет сказать, – вмешался Амос, – что ему не по вкусу использовать тебя как живой щит. Не то чтобы ты не согласилась – ты ведь такое уже проделывала. Но те, кто с другого конца ствола? Мы их не знаем, неизвестно, чего от них ждать, так что не стоит на них рассчитывать.

Тереза все хмурилась, но уже меньше.

– Да, – признал Джим, – так оно куда более красноречиво.

– Иногда мне и такое дается, – сказал Амос. Может быть, пошутил, а может, и нет. – Подготовить корабль к бегству? Реакторной массы у нас хватит на приличное ускорение.

– Помнится, у нас не хватало топливных пеллет?

– Верно, но остаток можно потратить, чтобы выбраться из Кроноса: внесем воду в список покупок, и порядок. Вот восстановители и правда поджигают.

Эта мысль притягивала его сильней гравитации. Включай двигатель, нацелься носом в подходящее кольцо и рви когти, пока враг не сцапал. Джим непроизвольно стиснул груди с кофе.

– Наоми, что скажешь?

Короткое молчание.

– Извини, я прослушала. О чем речь?

– Подготовить «Роси» к броску? Когда «Черный змей» наберет разгон, можно будет про-
рваться.

– Нет. – Он ждал этого ответа. – Они нас не опознали. Ударившись в бега, мы только навлечем подозрение. Лучше сойти за не причастных. Алекс? Просчитай, как нам перехватить «Белый дуб». Тот большой ледовоз у второго газового гиганта.

– Есть курс, – доложил Алекс.

Амос поерзал на скамейке.

– Капитан...

– Все нормально.

– Надо будет бежать, – сказала Наоми, – сбежим.

«Вечно нам надо бежать. И никакой передышки», – думал Джим. Говорить это вслух не было смысла.

Глава 2. Танака

Алиана нажала кнопку вейпа и глубоко затянулась. Пахнущий ванилью туман мягким теплым облачком наполнил легкие. Смесь никотина с тетрагидроканнабинолом и примесью какой-то экзотики. Экзотики, уравнивающей сонливость от ТГК обострением восприятия. Шторы были задернуты, но свет по краям просачивался, поджигал пылинки радужными искорками. Алиана шевельнула ногой. Шелковистая простыня была ласковей тысячи миниатюрных любовников.

Тристан спал рядом, прижавшись к ее бедру подтянутой мускулистой задницей. И тихо похрапывал, изредка подергиваясь и вздыхая. Алиана понимала, что эти звуки кажутся ей милыми и очаровательными только потому, что она на взводе и после коитуса. Как только храп начнет раздражать, Тристан станет здесь лишним.

Опытным путем она отыскала два способа выживать при жестком авторитарном режиме. Первый – к нему прибегало большинство: быть тем, чем хочет видеть тебя власть. Марсу требовались верные солдаты, их он и штамповал, как принтер штампует детали. Алиана с годами успела понять, что принадлежит к их числу. Она видела, как соратники тщатся задавить или изгнать из души все не вполне марсианское, и порой им это удавалось.

Другой способ выжить: научиться получать удовольствие от тайны. Радоваться тому, что кажешься не тем, что ты есть. И отточить это умение. Оно напоминало сексуальное извращение, даже если не требовало тащить в койку младших по званию. Волнующее сознание, что обмолвка или оплошность могут привести к пуле в затылок, ей нравилось гораздо больше обычного секса.

Снисходительное, открытое общество, где занимаются тем же самым, не опасаясь последствий, свело бы ее с ума. Она с самого начала была в восторге от лаконического эксперимента, потому что мечта Дуарте, обернувшаяся сперва восстанием против Марса, а затем непрерывной чередой опасностей, кормила ее адреналином. Алиана этого не стыдилась. Знала, что собой представляет.

– Просыпайся, – сказала она, пальцем ткнув юношу в спину.

– Сплю, – промямлил Тристан.

– Знаю. А теперь просыпайся. – Она снова ткнула его пальцем. Десять часов в неделю они занимались борьбой и боксом. Пальчики у нее, если напрячь, были тверже железных стержней.

– Господи прокляни! – выговорил Тристан и перевернулся. Улыбнулся ей спросонья. Всклокоченные светлые волосы и гладко выбритые щеки с глубокими ямочками – чистый херувимчик с классического полотна. Рафаэлевский путти.

Еще разок затянувшись, Алиана протянула вейп ему.

Тристан покачал головой.

– Ты чего меня разбудила?

Она со вкусом потянулась на мягких простынях – ее тело едва умещалось на длинной койке.

– Я под кайфом, желаю трахаться.

Он с театральным вздохом повалился на спину.

– Алли, я отдал тебе всю жидкость до капли.

– Так ступай, выпей стакан воды, закуси соляной таблеткой и тащи задницу обратно в койку.

– Есть, есть, полковник! – рассмеялся Тристан.

Его смешок оборвался резким выдохом: «Уф-ф», – когда она навалилась ему на живот, лодыжками и ступнями прижала к матрасу бедра, а руками – запястья. Плечи и грудь у него были хорошей формы, но мягковаты: скорее как у здорового подростка, а не мужчины за два-

дцать. У нее руки были тонкие, жилистые, с мышцами бегуна на длинные дистанции, до основы обожженные постоянной нагрузкой и крепкие, как стальные пружины. Она легко пресекла его попытку шевельнуться, до хруста сжала пальцы – и он ойкнул.

– Алли, ты...

Она снова нажала, и он заткнулся. Видел, что она сердита. Она любила себя сердитой. И любила, чтобы он это видел.

– В этой комнате я Алиана, а ты Тристан, – медленно отчеканила она, не позволив наркотику сделать речь невнятной. – За ее дверями ты – капрал Ривс, а я – полковник Танака. И никогда не следует путать одно с другим.

– Знаю, – пробурчал Тристан. – Я пошутил.

– Не шути. Никаких смешков. Никаких оговорок. Мы с тобой держимся на строжайшей дисциплине. Любая твоя ошибка будет стоить мне как минимум позорной отставки.

– Я никогда не...

– И тебе, – словно он и рта не открывал, продолжала Алиана, – не понравится та я, с которой тебе тогда придется иметь дело.

Она уставилась на него сверху, дожидаясь, пока испуг перейдет в понимание. А потом выпустила запястья и слезла с него, легла рядом.

– Принеси и мне попить, хорошо?

Тристан молча встал и вышел. Алиана смотрела ему в спину, любуясь движением бедер и ягодиц, плавно сужающимся книзу силуэтом плеч и спины. Он был очень, очень хорош собой. Когда наступит неизбежный конец, она будет по нему скучать. Но это не отменяло неизбежности конца. Так происходило всегда. И это тоже было частью наслаждения.

Тристан скоро вернулся с двумя стаканами воды. Неуверенно остановился в ногах кровати. Алиана похлопала по простыне рядом с собой.

– Извини, если обидела.

– Да ничего, – ответил он, подал ей стакан и сел рядом. – Извини за ошибку. Ты трахаться не расхотела?

– Через минутку, – сказала она.

Минуту оба гулко глотали.

– Я тебя еще увижу? – спросил наконец он. Алиана отметила, что радуется звучащей в его голосе надежде.

– В этот раз мне придется задержаться на Лаконии, – ответила она. – Да, мне хочется снова тебя увидеть. Только надо помнить об осторожности.

– Понимаю, – сказал он.

Она знала, что он действительно понял. Она любила, чтобы игрушки были много моложе нее и младше чином. Так было проще. Но с дураками она время не проводила.

Жажда прошла, тепло из легких приятно расплзлось к животу. Она протянула руку, накрыла ладонью его бедро.

– Думаю, нам надо бы...

У нее на столике звякнул ладонник. Она установила режим «Не беспокоить» – значит, входящий вызов был достаточно важен, чтобы устройство игнорировало запрет. Ладонник был хорошо натаскан и, вероятно, не ошибался. Она взяла его и посмотрела, кто вызывает. Из здания Государственного совета. Она включила связь без видео. Тристан, выскользнув из постели, потянулся за штанами.

– Добрый вечер, полковник. Это лейтенант Санчес из «Графиков и логистики». Вас ждут на совещании через два часа.

– Впервые слышу, – отозвалась она, нашаривая на столике отрезвляющие препараты. – Какая повестка, не скажете?

– Простите, полковник, у меня нет допуска к этим сведениям. В число участников вас включил адмирал Милан.

Конец забавам...

* * *

К зданию Государственного совета она подходила под дождем. Капельки покрыли мостовую темной блестящей пленкой. Невысокие горы за краем территории словно сошли с древней гравюры укиё-э Ёситоси или Хиросигэ. Атташе от научного директората ждал ее с чашкой кофе и зонтом. Она отмахнулась от того и другого.

Здание Государственного совета она знала неплохо. Чаще работала в поле, но завела немало друзей и профессиональных связей в высших эшелонах власти, чтобы, прилетая на Лаконию, частенько сюда заходить. Не бывала здесь после осады Лаконии, гибели строительных платформ и похищения или автоэмансипации Терезы Дуарте. Само здание за это время не изменилось. Литой бетон был по-прежнему прочен, букеты в вазах по-прежнему свежи. Охрана в отглаженной в острые стрелки форме по-прежнему непроницаема и сдержанна. Но все казалось каким-то хрупким.

Атташе провел ее в знакомый кабинет. Желтые стены из местной древесины с голубыми гербами Лаконии в панелях и две строгие кушетки. Адмирал Милан – заместитель командующего на время, пока верховный консул пребывал в уединении, а адмирал Трехо – в системе Сол, – сидел за большим столом. Он был крупный мужчина с тяжелым лицом, сединой в короткой щетине и выбритой головой. А по Марсу она знала его как закаленного годами службы космического волка, не терпевшего никаких глупостей и вспыльчивого, как барсук. И невероятно его любила.

У одной кушетки стоял лейтенант со значком радиоэлектронной разведки на синей флотской форме. Рядом, сложив руки на коленях и сплетя пальцы, сидел доктор Очида из научного директората. В тишине ощущалась неловкость прерванного разговора.

Нарушил молчание адмирал Милан:

– Мы здесь немножко задержались, полковник. Садитесь, мы скоро заканчиваем.

– Да, сэр, – отозвалась Танака и села.

Адмирал Милан взглянул на стоящего лейтенанта – Россифа, согласно именной нашивке, – и кончиком пальца начертил в воздухе кружок. Закругляйтесь.

– Система Гедара. Население не дотягивает до двухсот тысяч. Высокая концентрация расщепляемых материалов в верхних слоях коры, так что они там в последние годы пытались наладить глубинную добычу ископаемых. Сельское хозяйство существует, но до самодостаточности им еще десятки лет.

– Провал? – спросил адмирал.

– Двадцать три минуты одиннадцать секунд, – ответил Россиф. – Полный провал в сознании. Несколько погибших, некоторый ущерб инфраструктуре. В основном автомобильные аварии или падения с высоты. Согласно журналам, за несколько секунд до провала в кольцо вне графика вошли два тяжелых грузовика – отправились к летучим голландцам.

Доктор Очида прокашлялся.

– В этот раз отмечена одна странность.

– Более странная, чем всеобщее отключение мозгов на двадцать минут? – заинтересовался адмирал Милан.

– Да, адмирал, – ответил Очида. – Приборы показывают за время события еще потерю времени нового типа.

– Объясните.

– Сокращение, – сказал Очида. – Свет ускорился.

Адмирал Милан почесал шею.

– Мы по-разному понимаем слово «объясните»?

Танака сдержала улыбку.

– Проще говоря, скорость света есть функция от базовых характеристик вселенной. Скажем так... Причинно-следственные связи быстрее всего распространяются в вакууме. В Гедаре на двадцать с чем-то минут природа пространства-времени изменилась таким образом, что увеличилась скорость света. Световой лаг от кораблей у кольца Гедары до планеты чуть меньше сорока минут. Согласно записям приборов, на время события он уменьшился почти на четыре тысячи наносекунд.

– Четыре тысячи наносекунд... – повторил Милан.

– На двадцать минут в этой системе изменилась природа пространства-времени, – подчеркнул Очида и, не дождавшись должной реакции, изумленно округлил глаза.

– Ну что ж, – отозвался Милан, – это определенно следует обдумать. Спасибо за доклад, лейтенант, доктор. Вы оба свободны. А вы останьтесь, полковник.

– Да, сэр, – ответила Танака.

Когда двое вышли, Милан развалился на стуле.

– Выпить хотите? Есть вода, кофе, бурбон и травяное дерьмо, которое мои мужья называют чаем, – на вкус вроде сена.

– Я не при исполнении?

– Думаю, о соблюдении устава можете не волноваться, если вы об этом.

– Мне нравится, как звучит «бурбон», сэр, – ответила Танака.

Адмирал минуту повозился у стола и вернулся с бокалом резного хрусталя, на два пальца наполненным темной жидкостью с кружащимся в ней облачком.

– Ваше здоровье. – Танака пригубила напиток.

– Ну, – Милан, по-стариковски крикнув, сел на место, – и как понимать этот бред про скорость света?

– Не представляю, сэр. Мое дело – стрелять, а не ломать голову.

– За что я вас всегда и любил, – кивнул он и снова откинулся на спинку, переплетя пальцы в замок. На этот раз молчание было другим, и разгадать его Танака не сумела. – Так, между нами, старыми служаками, вы ничего не хотите мне сказать?

Она ощутила выплеснувшийся в кровь адреналин. Но не показала виду. Достаточно поднаторела в увертках.

– Не понимаю, о чем речь.

Он со вздохом склонил голову к плечу.

– Я тоже. Нахожу все это адски загадочным. А я уже не так молод, чтобы наступать на горло своему любопытству.

– И все же я искренне не понимаю, о чем идет речь.

Никто не хочет объяснить, зачем меня сюда вызвали? – Вызвал вас не я. Вас затребовал Трехо, а мне пришлось повозиться с оформлением.

Он достал настоящую папку из красного картона с серебряными завязками и протянул ей. Папка выглядела здесь неуместной, как каменные скрижали. Танака, прежде чем взять ее в руки, залпом допила остатки бурбона. Папка оказалась неожиданно легкой, серебряный шнурок легко развязался. Внутри лежал единственный лист трехслойного «безопасного» пергамента с кружевным плетением удостоверяющих документ металлических нитей. На листе была фотография Танаки, ее биометрический профиль, имя, ранг и идентификационный номер. И несколько строк, наделяющих ее статусом «Омега» в Лаконском директорате разведки по личному запросу офиса верховного консула.

Окажись там отрубленная голова, она бы меньше удивилась.

– Это... – начала она.

– Не шутка. Адмирал Трехо распорядился вручить вам ключи от своего королевства. Открытый доступ ко всем миссиям. Допуск к сведениям любого уровня секретности. Иммунитет от цензуры и судебных преследований на время работы. Очень мило. Вы и правда хотите сказать, что не знаете, в чем дело?

– Надо понимать, будет задание?

– Возможно, но какое – мне знать не дозволено. Вы посидите, а я выйду.

Как только адмирал Милан закрыл за собой дверь, система вывела на экран сообщение по связи. Через секунду на стене появился адмирал Трехо. Его она знала, сколько себя помнила. Глаза того же небывалого зеленого оттенка, но под ними набрякли темные мешки. Волосы поредели, кожа приобрела нездоровый восковой блеск. Видно, ему досталось.

– Полковник Танака, – начал он. – Я поручаю вам важнейшее для существования империи задание. Я надиктовываю это сообщение в перерыве между периодами жесткого ускорения от системы Сол. Если бы дело можно было отложить до возвращения в Лаконию, я ввел бы вас в курс лично. Отложить нельзя, придется так.

Она уставилась в свой бокал. Пустой, и до бутылки рукой подать, но ей вдруг расхотелось пить. Она вся обратилась в слух.

– Наверняка вы вместе со всей империей гадали, чем именно занимается в своем уединении верховный консул. Какой удар он готовит против сил, угрожающих нам из врат. Мне известно, что кое-кто предполагал его болезнь или недееспособность. И я должен откровенно сказать, что, когда я отбывал в систему Сол, верховный консул представлял собой пускающего слюни безмозглого идиота, не способного донести ложку до рта и подтереть себе задницу. Он пребывал в таком состоянии со времени удара, уничтожившего «Тайфун» и «Медину».

Танака глубоко вздохнула и выдохнула сквозь зубы.

– Доктор Кортасар посредством технологии протомолекулы значительно изменил организм верховного консула. Изменения дали верховному консулу некоторые... способности, не вполне документированные и не до конца исследованные к моменту смерти доктора Кортасара. А его фактически убил Дуарте. Махнул рукой – и расплескал гребаного маньяка по всей комнате. Я никогда подобного не видел. На данный момент это известно вам, мне, доктору Окойе из научного директората и Терезе Дуарте, бежавшей с диверсионной группой подполья после ее атаки на нашу технику. То есть противнику вообще, черт его побери.

Учитывая эти обстоятельства, вы поймете мою растерянность при появлении верховного консула в моем кабинете в системе Сол восемьдесят... восемьдесят пять часов назад. Датчики его не зарегистрировали. Он не взаимодействовал с материальными объектами и не оставил следов своего пребывания, доступных внешнему наблюдателю. Но он здесь был. И, пока вы не слишком насладились теорией «У Антона Трехо случился нервный срыв», есть и независимые свидетели. Только не в Сол.

Вскоре после того, как я пережил то, что пережил, Дуарте исчез из здания Государственного совета. Никаких «вот он есть, а вот его нету». Он надел штаны, сменил рубашку, попросил чашку чаю, вежливо поблагодарил лакея, после чего ушел с территории. С тех пор его ищут все планетарные датчики. Никто его не видит.

Мы имеем дело с тысячей колоний, гадающих, что осталось от власти. Мы имеем дело с находящимся вне измерений врагом, опытным путем подбирающим способ слдуть нас с лица вселенной. И я убежден, что решением обеих проблем окажется Уинстон Дуарте или та чертовщина, в которую он превратился. Вас я давно знаю и доверяю вам. Вам поручается найти его и вернуть. Вы уже получили карт-бланш, а я гарантирую, что и счетов к оплате вы не увидите. Мне плевать, сколько вы потратите – деньгами, оборудованием, жизнями, – лишь бы вернули Уинстона Дуарте оттуда, где он есть. Если он не пожелает вернуться, убеждайте всеми способами, лишь бы в конце концов он оказался в нашем распоряжении.

Доброй охоты, полковник.

Запись кончилась. Танака развалилась на кушетке, раскинула руки, как птица расправляет крылья. Колеси́ки в мозгу уже вертелись. Все странности, потрясающее откровение, связанная с ним угроза. Все это она уже усвоила. Все прочувствовала. И еще пришло спокойствие предстоящей работы и неожиданно глубокое удовольствие от врученной ей власти.

Тихо открылась дверь, вошел адмирал Милан.

– Все в порядке?

Танака расхохоталась.

– Чего нет, того нет.

Глава 3. Наоми

Они дали «Черному змею» отойти подальше от кольца – настолько, что для перехвата ему потребовалось бы тяжелое, а то и недопустимое ускорение. Дольше того Наоми не вытерпела.

Через три часа после этого лаконский фрегат ударил их направленным лучом, формально и строго запросив объяснения, что это они вытворяют.

– Говорит «Винсент Су», свободный торговец на контракте с корпорацией совместной ответственности «Атмосфера» с Земли. Везем образцы для контроля качества. Открытые контракты и разрешения прилагаю. Повторяю...

Голос синтезировали из десятка мужских голосов, так перемешанных системой «Роси», что лаконцы, даже распознав подделку, не сумели бы проследить источники. «Винсент Су» существовал в действительности, подпись его двигателей и силуэт корпуса напоминали нынешний, модифицированный «Роси», только он не покидал пределов Солнечной системы. И приложенные к сообщению контракты, если глубоко не копать, сошли бы за подлинные. Более правдоподобной маскировки Наоми соорудить не сумела.

– Не отвечают, – сказал Алекс.

Они оба сидели в рубке. Освещение приглушили. Хотя Наоми заметила, что даже приглушенный свет Алекс теперь настраивает поярче – глаза уже не молодые.

– Не знаю, хорошо это или плохо, – отозвалась Наоми.

– А хорошо бы знать.

– Если погонятся за нами, паля из всех орудий, – значит, плохо.

– Да, – кивнул Алекс, – верно говоришь. Хотя, по мне, могли бы передать: «Эй, там, мы решили вас не загонять и не убивать». Хоть из вежливости.

– На таком расстоянии мы заранее увидим несущуюся к нам жестокую гибель. Такое не пропустишь.

– Ну, слава богу хоть за это.

Шли минуты. «Черный змей» не отвечал и не разгонял двигателей для погони, и Наоми с каждой минутой чувствовала, как гаснет страх смерти или плена, а нарастает страх перед переходом. Ей уже с трудом верилось, что было время, когда ее жизнь не состояла из скачков от травмы к травме – как по камешкам в декоративном саду. Не один десяток лет прохождение сквозь кольцо вызывало разве что мимолетную тревогу. Да, при слишком плотном движении корабль мог обратиться в летучий голландец: просто исчезнуть из мира, бог весть куда или никуда. Но риск был сравним с другими. С тем же успехом им могло разбить двигатель попаданием микрометеорита. Могла отказать магнитная ловушка, залив реакцией расщепления весь корабль. Ее саму мог хватить удар.

Когда-то кольца работали по правилам.

Правила, установленные людьми, регулировали поток движения. Нечеловеческие правила ограничивали количество материи и энергии, которое можно было отправить сквозь врата за определенный период, не прогневав темных кораблеядных богов.

Теперь никаких правил.

– Как ты думаешь, сколько кораблей нас ищет? – спросил Алекс.

– Ты о том, сколько у них вообще кораблей или сколько в этой группе охотников?

Алекс помолчал, поцокал тихонько языком.

– Оба ответа меня не порадуют, да?

– Сколько у нас времени до врат?

– Если не тормозить перед прохождением, около восемнадцати часов.

Наоми отстегнулась и встала с кресла. Палуба толкнулась ей навстречу – гравитация ускорения около половины g.

– Отдохну немножко. Если кто-то решит нас пристрелить, вызовешь.

– Вызову, – сказал Алекс ей в спину и добавил: – Как Джим?

Наоми оглянулась. В свете экрана лицо Алекса стало голубоватым. Редкая белая щетина на висках и затылке напоминала картинки снега на черноземе, а мягкий взгляд говорил, что это, в сущности, был не вопрос.

– Да знаю я, – отозвалась она. – А что делать?

Спускаясь на жилую палубу, она вслушивалась в успокоительный гул корабля. Столько лет провела с «Роси», что научилась по звуку судить о его здоровье. И, даже не зная, что они вывели двигатель из равновесия, поняла бы это по бормотанию, поскрипыванию палуб.

Пока Джим был в плену на Лаконии, Наоми по нему тосковала. Тосковала по себе – той, с которой он был рядом. Когда он вопреки всякой вероятности вернулся, она оказалась к этому не готова. Не позволяла себе надеяться, потому и не продумала, как это будет.

Койка-амортизатор была переделана на двоих. При особенно жестком ускорении кто-то из них мог перейти в свободную каюту, а чаще – в амортизатор рубки. Двойная кровать обеспечивала не оптимальное функционирование, а качество жизни. Радость просыпаться не в одиночестве. Близость, когда видишь человека спящим, ощущаешь его дыхание. На клеточном уровне осознаешь, что не одна.

Она застала Джима спящим. Он все еще был худее, чем ей помнилось до его тюремного срока. И до ее срока в самоизгнании. Возможно, просто от седины, но веки казались темнее, чем были, словно их залили неизлечимые синяки. И тело даже во сне оставалось напряженным, словно он готовился встретить удар.

Она уверяла себя, что он поправляется, и, вероятно, не обманывалась. Она чувствовала, что и сама меняется с течением дней и недель. Позволяет себе немного продвинуться туда, куда не давала себе доступа, пока они были в разлуке. Все стало не так, как раньше. Бобби нет. Клариссы нет. Амос превратился во что-то такое, от чего у нее, стоило об этом задуматься, мурашки ползли по коже. Зато появилась Тереза со своей собакой – постоянные пассажиры и в то же время постоянная угроза. Но даже такая жизнь была ближе к тому, на что она смела надеяться. Семья, уж какая ни есть, снова собралась вместе. Иногда это утешало. Иногда превращалось в ностальгию по тому, что вернуть невозможно.

Будь у них время остановиться, опомниться, пройти декомпрессию, может, удалось бы спасти что-то еще, но времени не было.

Она легла с ним рядом, пристроила голову ему на согнутый локоть. Джим шевельнулся, приоткрыл один глаз. Улыбка у него осталась прежней – светлая мальчишеская радость от того, что она здесь. И Наоми улыбнулась в ответ.

– Привет, соблазнительница, – сказал Джим. – Я что-то пропустил?

«Годы, – подумала она. – Ты пропустил годы». Проглотила невысказанную правду и улыбнулась. – Ничего важного.

* * *

– Я, правду говоря, не прочь бы притормозить, – сказал Алекс.

Наоми как раз отправляла обедки в камбузный утилизатор. Они снизили тягу, и чмоканье засасывавшего остатки еды вакуума прозвучало почти так же громко, как голос Алекса из динамика. На стенном экране висело кольцо системы Кронос на фоне звезд – неестественная темнота. Искажение материи на его периметре было различимо только благодаря обработке системой «Роси». Система с каждой секундой сокращала увеличение. Кольцо имело в поперечнике тысячу километров, расчетное время до прохождения составляло двенадцать минут, но невооруженным глазом его все еще было не разглядеть.

– Кто тебе мешает нажать на тормоза? – спросила Наоми. – Только если в пространстве колец нас ждет недружелюбная встреча, им так будет проще в нас попасть.

– Мне бы хотелось зарядить рельсовую пушку, – объяснил Алекс. – Но ты не разрешила, вот я и сублимирую.

– Можешь перепроверить торпеды и ОТО.

– Этим уже занимаются Амос с Терезой. Как бы не подумали, что я им не доверяю.

– Можешь заложить заряды на корпусе, чтоб сорвать при нужде маскировочные пластины.

Алекс протяжно вздохнул. Джим с другого конца камбуза одобритительно показал ей большой палец.

– Да, так и сделаю, – сказал Алекс. – Хотя на самом деле мне бы рельсовую.

– На той стороне заряжай, сколько душе угодно, – утешила Наоми.

– Все обещаниями кормишь.

Щелчок сказал ей, что Алекс прервал связь. Увеличение обзора кольца продолжало сокращаться. Наоми вызвала на экран маленькое окно с задним видом. Помехи от их двигателя сделали изображение размытым и зернистым, весьма приблизительным, но она и на таком поняла, что «Черный змей» их не преследует.

– Не вижу транслятора, – отметил Джим. – Наш они подорвали, а своего, похоже, не оставили.

– Я тоже заметила. О координации с той стороной не думают. Так что есть хотя бы шанс, что мы гоним не в ловушку.

– О да!

Осталось десять минут.

– Готовность? – спросила Наоми.

Вместо ответа Джим подтянулся к захвату на стене и оттолкнулся в сторону центрального лифта. Наоми вышла на связь с Амосом.

– Мы занимаем посты в рубке. Не то чтобы ждали неприятностей, но на случай...

– Слышу тебя, босс. Щен уже в конуре, на случай болтанки.

Под «болтанкой» он подразумевал маневры уклонения от огня.

– А Тереза?

Опять эта странная пауза перед ответом.

– Мы пристегиваемся в машинном. Если что нужно, только скажи.

Наоми отключила связь и двинулась вслед за Джимом. Лифт ждал вызова вниз, а они проплыли по пустой шахте до уровня командной палубы. Заняли свои обычные места, подтянули крепления, развернули экраны, чтобы сразу увидеть, не ждет ли за переходом опасность. Кольцо оставалось на месте, только теперь телескопическое изображение захватывало меньше звезд вокруг.

– В рубке готовы, – доложила Наоми.

– В кабине, – отозвался Алекс.

– Да, – сказал Амос. – У нас порядок. Работайте.

Счетчик показал zero. Джим резко втянул воздух. Кольцо, моргнув, перескочило в зернистое заднее окно – структура та же, только теперь позади и удаляется. Сразу погасли все звезды.

– Вот и проскочили, – сказал Алекс. – Угрозы не наблюдаю, только тесновато, скажу я вам. Сейчас перевернусь и приторможу, пока не разберемся, куда летим.

Он все-таки включил предупреждающий сигнал, и после мгновенного головокружения верх и низ поменялись местами. Гелевые подушки давили Наоми на спину. Она уже вывела на экран тактическую схему.

Пространство колец – про себя она все еще называла его Медленной зоной, хотя жесткое ограничение скорости давным-давно отключили Джим с протомолекулярным симулятором детектива Миллера, – занимало места чуть меньше, чем солнце системы Сол. В нем мог бы уместиться миллион Земель, а сейчас находилось только тысяча триста семьдесят одно кольцо, одна загадочная станция в центре и пятьдесят два корабля, считая «Роси», – каждый на своем переходе. Алекс был прав. Тесновато. Опасно.

– Как считаешь, сколько мы потеряли? – спросил Джим.

Оглянувшись, она увидела перед ним ту же схему.

– Кораблей подполья?

– Нет, «мы» в широком смысле. Все. Лаконцы, подполье, гражданские, которые всего лишь пытались доставить товар туда, где его ждут. Как считаешь, сколько потеряли?

– Не могу сказать, – ответила она. – Никто уже не считает. Война.

Она поставила «Роси» задачу опознавать корабли по сигналам транспондеров, подписи двигателя, термальному профилю и силуэтам и отмечать любые отклонения от ожидаемого, а также пометать все корабли, связанные, насколько известно, с подпольем или Лаконской империей. Через три секунды корабль выдал список с перекрестными ссылками и удобным интерфейсом. Наоми досталась человеческая работа – все это пролистать. Из союзников Лаконии ближе всех к ним находился грузовик «Восемь принципов бусидо» с Бара Гаона и дальний разведчик «Летучий буйвол», базировавшийся в Сол, но принадлежащий сетевой корпорации, после капитуляции Земли и Марса моментально подчинившейся Дуарте. Ни тот ни другой не военные, и оба представлялись Наоми скорее вынужденными союзниками, чем верными последователями дела Лаконии. Так или иначе, официальная лаконская иерархия на них не распространялась.

Из связанных с подпольем был, насколько она знала, только независимый астероидный прыгун, летавший под именем «Ядовитая сука», хотя в регистре числился как «Розовый поцелуй». Если за этим стояла какая-то история, Наоми она вряд ли интересовала.

И еще в пространстве плавала «бутылка».

– Из ваших? – спросил Джим.

– Надеюсь, – сказала Наоми. – Посмотрим.

Было время, когда человечество располагало довольно надежной сетью связи. Направленные в систему радиосигналы подхватывались релейными станциями у колец. Этим трансляторам хватало мощности перекрыть помехи во вратах или физически пройти их, имея приемники на обеих сторонах. Расположенная посреди пространства колец станция «Медина» обслуживала трансляторы и мониторила поток передач. Много десятилетий сообщение с Земли на Бара Гаон и ответ на него укладывались в одни сутки даже тогда, когда на связь выстраивалась длинная очередь. После гибели «Медины» и восстания подполья все это пропало.

Теперь тринадцать сотен миров общались через непостоянную лоскутную систему передаточных станций, отправляли сообщения кораблями и модифицированными торпедами, которые Наоми назвала бутылками. Та, о которой сейчас шла речь, была усовершенствованной конструкции: настроена на сбор и накопление предназначенных для Наоми входящих сообщений подполья и хранение их до особого сигнала. Система была далека от совершенства, Наоми не сомневалась, что немало теряется по дороге, зато она легко проверялась, трудно подделывалась, и проследить ее было почти невозможно.

Наоми, задействовав управление эпштейновским двигателем, слегка подправила его работу. Никто из находящихся вблизи «бутылки» ничего бы не заметил – все вполне укладывалось в рамки нормальных флуктуаций двигателя. А датчики на поверхности бутылки распознали пароль.

Сошлось.

Бутылка коротко вскрикнула, выпустив пакет плотно упакованных данных в эфир, открытый для всех кораблей в Медленной зоне. Направленный луч, сумеет кто-то его проследить, сошел бы за указующий перст. Возможно, подслушать их мог бы любой из десятков находящихся здесь кораблей. На такой случай подполье время от времени подбрасывало то во врата, то в Медленную зону фальшивые «бутылки» – чтобы запутать следы и для дезинформации.

Система «Роси» всосала выплеск радиосигнала и тихонько принялась его распаковывать, а «бутылка» на краю пространства колец тем временем запустила свой двигатель и шмыгнула в ближайшие врата. Подпольщики Наоми увидят ее взрыв и поймут, что при первой возможности надо будет установить новую. Если же взрыв увидят лаконцы – даже если поймут, что он означает, ничего исправить уже не сумеют.

Такой способ, действующий по образцу расширенной ячейки АВП, изобрела сама Наоми. Полезное применение для грехов молодости.

– Что же, могло быть много хуже, – заговорил Джим. – Теперь вопрос, куда нам дальше.

– Зависит от принятых данных, – сказала Наоми. – Я бы не стала дольше необходимого задерживаться в пространстве колец.

– А мне бы не хотелось прежде времени попасть в зубы силам вне пространства и времени, – заметил Джим.

Прежняя легкость, прежний юмор – все на месте, но за ними ничего не было. «Нет, это не пустота, – подумала Наоми. – Огромная усталость».

– Если придется, – сказала она, – всегда можно... Ее прервал голос Терезы по корабельной связи:

– Мне нужна помощь. В машинном. Нужна помощь, срочно.

Джим отстегнулся раньше, чем она договорила фразу. В нем не осталось ни следа усталости. Дождаться лифта он не стал, свалился в шахту, перебирая руками скобы, как ступени лестницы. Наоми отстала от него совсем ненадолго. Что бы там ни было, она порадовалась вернувшейся к нему уверенности движений. Словно на минуту увидела прежнего Джима. Пусть он большей частью прячется, но где-то еще жив.

– Что у вас? – спросил из кабины Алекс.

– Что-то с Амосом, – отозвалась Тереза. Она говорила с напряженным спокойствием диспетчера скорой помощи.

– Мы на подходе, – сказала Наоми. Джим промолчал.

Они поравнялись с машинной палубой, когда Наоми услышала. Голос. Голос Амоса, но в нем не было слов. Тихий влажный звук: то ли рычание, то ли бульканье. Почему-то ей подумалось об утопленниках. Они с Джимом вместе шагнули в мастерскую машинного зала.

Тереза, поджав ноги, сидела прямо на палубе, держа на коленях большую лысую голову Амоса. Он дрожал, подергивался. На губах пузырилась светлая пена, сплошь черные глаза были пустыми, круглыми. И в воздухе стоял тошнотворный запах – не столько органики, сколько металла.

– У него припадок, – сказал Джим.

Тереза откликнулась дрожащим голосом:

– Почему? Ну почему все так?

Глава 4. Элви

– Выводим ее, – сказала Элви. – Отключаю.

– Нет, – ответила Кара. Голос у нее еще вздрагивал, но говорила девочка четко. – Я справлюсь.

Работа ее мозга отображалась в семи различных сводках на таком же количестве экранов. Данные БИЧ (так техники прозвали массу зеленого кристаллического вещества величиной с Юпитер – единственный объект системы Адро) отображались рядом. Усовершенствованная программа сопоставления данных сравнивала их по шести параметрам. В обеих колонках изменения сходили на нет, припадок – если это был он – после всплеска показывал более ровное течение.

Научные сотрудники и лаборанты обращали к Элви взволнованные, неуверенные взгляды. Она разделяла их чувства. Вспомнилось, как ей, старшей по общежитию, приходилось разгонять шумную вечеринку.

– Я – глава лаборатории. Она – объект исследования. Если я сказала: отключаю, – значит, отключаю.

Ее группа ожила, занялась завершением эксперимента, а Элви повернулась к плавающей над датчиками изображения Каре.

– Извини. Я не то чтобы тебе не доверяла – я в этом деле ничему не доверяю.

Девочка с залитыми чернотой глазами кивнула, но ее уже отвлекло что-то другое. Зрительные и слуховые участки коры у нее светились, как новогодний Париж, а через поперечную извилину проходили медленные глубинные импульсы, совпадающие с поступающими от южного полушария БИЧ энергетическими всплесками. Что бы ни испытывала сейчас Кара, переживание целиком завладело ее вниманием. Элви казалось, крикни она сейчас прямо в ухо Каре, до мозга дойдет ничтожно малая часть информации. Кстати сказать, и до тела тоже, потому что оно в полной мере участвовало в происходящем. Элви была знакома с теорией соматического сознания, однако БИЧ так усердно гнал информацию на всю нервную систему разом, что это сильно осложняло дело. Пока ее сотрудники выполняли процедуру выхода, возвращая Кару в простую человеческую реальность, Элви открутила показания к началу.

Созданный на государственные средства персональный корабль Элви «Сокол» – самая совершенная на тринадцать сотен миров лаборатория – был нацелен на единственный объект. Звучало это внушительно – пока не вспомнишь, что большая часть этих тринадцати сотен подобна крестьянским хозяйствам Европы конца девятнадцатого века: едва-едва умудряются себя прокормить, чтобы не пришлось к началу зимы забивать половину скота. После удара, убившего «Тайфун» и «Медину», уцелел только «Сокол», да и он был весь в шрамах. Обшивка пестрела темными швами, казавшимися почему-то реальнее той реальности, что оторвала от корабля треть его массы. Энергосистема и жизнеобеспечение были где залатаны, где переустановлены заново. И у Элви на бедре выделялась поперечная линия там, где нарастили кожу и мышцы взамен вырванного атаккой куска с теннисный мяч величиной. Работа на «Соколе» походила на жизнь внутри травмирующего воспоминания. Элви делалось легче, когда удавалось сосредоточиться на данных, на БИЧ и на Каре с Ксаном.

Заместитель Элви, доктор Харшаан Ли, поймал ее взгляд и кивнул. Ей нравился этот энергичный молодой ученый. Больше того, она ему доверяла. Он знал, чего хочет, и его жест, предлагавший проследить выход Кары из эксперимента, соответствовал процедуре. Она кивком выразила согласие.

– Давайте, леди и джентльмены, – хлопнув в ладоши, заговорил Ли. – По порядку и по инструкции.

Элви подтянулась через пустое пространство до лифтовой шахты и двинулась к корме, где располагались двигатель и изоляционная камера младшего брата Кары, Ксана.

Фаиз плавал у стены, зацепившись коленом за крепление, а его руки были заняты терминалом с мерцающим на экране текстом. Рядом, пристегнутое к каталке, находилось то, что у них называлось «катализатором», – тело женщины, пропитанное ослабленным, но живым образцом протомолекулы. Незрячие глаза катализатора остановились на Элви, и Фаиз обернулся вслед за их взглядом.

– Как он? – спросила Элви, кивнув на камеру и, следовательно, на Ксана.

Большую часть времени в камере хранили катализатор, но, когда задействовали древние технологии чужаков, место катализатора занимал Ксан. Мальчуган и протомолекула взаимодействовали, только пока менялись местами.

Фаиз вывел на экран вид с камеры наблюдения. В изоляционной камере парил Ксан. Глаза закрыты, рот приоткрыт, как у спящего или утопленника.

– Послушал музыку, почитал про «Наку и Ковалиса» и уснул, – перечислил Фаиз. – Точь-в-точь обычный малец, чуток не дотянувший до подростка.

Элви толкнулась к мужу. Поступавшие из лаборатории данные высвечивались на ее ручном терминале рядом с мониторингом Ксана. Она с первого взгляда убедилась: никакой корреляции. Что бы ни произошло с Карой, Ксана это не коснулось. Во всяком случае, никак не проявилось. Надо будет еще прогнать программу сравнения.

Она не заметила, что вздыхает, но, судя по тому, как погладил ее по руке Фаиз, вздохнула.

– Слыхала про систему Гедара?

Она кивнула.

– Изменилась скорость света. Темные боги стучатся с чердака. Похоже, это происходит все чаще.

– Для анализа частотности понадобится больше данных, – возразил он. – Но и ты права. Очень мне не нравится это чувство, будто что-то огромное и свирепое скребется на краю реальности, выискивая, как бы меня прикончить.

– Потому оно и пугает, что правда.

Он расчесал пальцами волосы. Серебристая седина в невесомости придавала ему сходство с каким-то героем детского мультлика.

У Элви тоже прибавилось седины, но она стриглась коротко – в основном потому, что жидкость в амортизаторах для высокой перегрузки страшно воняла, а отмывать ее от длинных волос приходилось куда дольше.

– Ты сегодня рано закруглилась.

– Выявилась нестабильность, синхронизированная с БИЧ.

Теперь уже вздохнул Фаиз.

– Не нравится мне эта кличка. К тому же эта чертовщина алмазная, а не изумрудная. Звали бы попросту «хрень зеленая», даже смешнее было бы, – без особого пыла продолжал он.

Их брак состоял из шуточек для своих, комических сценок, общего любопытства и общей травмы. Они десятилетиями создавали закрытый от других код. Она знала, как звучит его голос, когда Фаиз чем-то заинтересован, и как отличить любопытство от злости. И видела, когда он пытается ее защитить, а когда бьется над чем-то непонятным.

– Что у тебя на уме? – спросила она.

– Синхронности не заметила?

– Какой?

Фаиз снова вывел показания датчиков. С одной стороны, состояние мозга и тела девочки, застрявшей в возрасте, в котором ее после смерти восстановила техника чужой цивилизации. С другой – колебания частиц и магнитный резонанс в гигантском кристалле, который – если их не обманывает надежда – содержит историю галактической цивилизации, по чьим следам

они идут к гибели. Элви могла пальцем ткнуть в точки совпадений. Но Фаиз, подняв брови, ждал, пока она заметит что-то еще. Элви покачала головой. Тогда он указал на крошечный индикатор на краю экрана.

«Встроенная коррекция светового лага – 0,985».

Она нахмурилась.

– Мы в девятисот восьмидесяти пяти тысячных световой секунды от алмаза, – пояснил Фаиз. – На гладкой орбите, не приближаемся к звезде и не удаляемся. При прошлой попытке Кара переговаривалась с алмазом. Вызов – ответ. А тут они пели хором. Без светового лага.

Выводы из сказанного просачивались ей в мозг, как вода сквозь тонкую трещинку. Они и раньше знали, какие странные штуки вытворяет протомолекула с пространством, но связывали это с квантовой запутанностью частиц. Кара, насколько было известно, никакими частицами с БИЧ не обменивалась, так что псевдомгновенный обмен информацией был новостью. И основательным ударом по фундаментальной теории протомолекулы.

А еще это означало, что не только они дотянулись до артефакта, но и он до них. Эксперимент удался.

Элви не думала, что успех так ее напугает.

Работу на Лаконскую империю Элви начинала под нажимом. Уинстон Дуарте накрыл человечество как чума – быстро и целиком. И когда пригласил ее на высокую должность в своем научном директорате, Элви ответила согласием. Работа мечты – если забыть, чем грозит отказ.

Замысел Дуарте – дать отпор силам, убившим цивилизацию строителей врат, – пошел наперекосяк. Дуарте он искалечил. Ее непосредственный начальник Паоло Кортасар превратился в прозрачный туман с запахом гемоглобина.

Элви, которой нравилась работа, но не нравились работодатели, получила новое назначение – главы лаконского научного директората, причем ей дали понять, что основная ее задача – найти средство противодействия атакам, вырубавшим сознание то в отдельной системе, то по всей империи. Если не считать основной задачей восстановить рассудок Дуарте. Или прекратить исчезновение кораблей при переходе из нормальной вселенной в невероятное пространство колец.

В ее распоряжении оказались практически бесконечные ресурсы империи, на плечи легла ответственность за выживание человечества, а научный протокол начисто избавили от этических соображений.

Ей приходилось думать на двух уровнях: во-первых, о создавшей протомолекулу и врата цивилизации, во-вторых, об уничтоживших ее силах. В удачные дни Элви сравнивала себя со средневековыми монахами, силившимися понять святых, чтобы посредством их узреть лик Господа. Но чаще она виделась себе термитом, пытающимся объяснить равнокрылым сородичам, что такое собака, чтобы дать им возможность рассуждать с собаками о джазе фьюжн.

Она лучше любого другого представителя человечества понимала создателей протомолекулы. Это если не считать Кары. И Ксана.

* * *

– Это словно сон, – сказала Кара, – только больше. Знаете, я не помню, чтобы во сне когда-то чувствовала вкус. А здесь были и вкус, и звуки, и ощущение, как меняется мое тело. Там было... все.

– А я ничего не почувствовал, – огорчился Ксан.

Обычно Элви опрашивала брата и сестру порознь, говорила сперва с Карой, потом с Ксаном, чтобы их отчеты не влияли друг на друга, хотя дети тяжело переносили разлуку.

Но сейчас она привела в свою личную лабораторию обоих и оставила детей парить в воздухе, а сама пристегнулась к рабочему столу, чтобы вести записи. Обстановка была как в кабинете богатого психиатра: мягкая обивка цвета светлой травы, выющиеся растения в нишах с капиллярной подкормкой, тихое гудение исправной вентиляции.

Все говорило о том, что работающая здесь женщина – весьма важная особа. И вызывало у нее немалое отвращение, хотя Элви не тратила сил на разгадку его причины.

– А были отличия от прошлого раза? – спросила Элви.

– Были вроде как... запинки? Мгновения, когда все разваливалось, а когда собиралось заново – делалось ярче и ближе. Нет, не то слово. Не знаю, есть ли правильные слова.

– А если сравнить с опытом в библиотеке? – спросила Элви.

Кара на миг замерла – такие жутковатые паузы случались и у нее, и у Ксана. Элви успела сделать вдох, прежде чем Кара вернулась.

– С библиотекой вовсе ничего не чувствуется. Там просто знаешь. А здесь? Это не библиотека, но туда стекается информация. Я в этом уверена.

Ксан тихонько хныкнул, и Кара за плечи привлекла братишку к себе. Инстинкт примата – утешать объятиями – не изменился с переходом через световые годы пустоты в пузырьках из керамики, стали и карбонного кружева.

– А взаимодействовать с этим ты хоть как-то могла?

– По-моему, да, – ответила девочка. – То есть я не понимала, что делаю, но, по-моему, сумею разобраться.

Я хорошо себя чувствую. И готова туда вернуться.

Элви напечатала: «Объект выражает сильное желание вернуться к взаимодействию сообразно падению уровня дофамина и серотонина с прекращением эксперимента. Зависимость?»

– Это хорошо, – вслух сказала она. – Нам надо кое-что подстроить, но через пару смен можно будет повторить. А пока я хотела бы вас обоих просканировать.

Проверить основные показатели.

– Хорошо, – ответила Кара, почти не выдав нетерпения. – Как хотите.

Ксан поерзал в объятиях сестры, отчего обоих немного раскрутило в воздухе.

– Я есть хочу.

– Давайте, – сказала Элви. – Мне надо все записать, а вам обоим стоит поесть и отдохнуть. Я скоро подойду.

Кара, отрывисто кивнув, прижала к себе Ксана.

– Спасибо, доктор.

Она длинной изящной ножкой оттолкнулась от стола Элви. Дети – или подопытные образцы, или гибриды человека с пришельцами, как бы ни воспринимала их сейчас Элви, – закрыли за собой дверь. Элви зажала глаза ладонями до цветных пятен под веками и выдохнула. Ее трясло от изнеможения, возбуждения, беспокойства. Так бывает, если перебрать с кофе, но кофе она вообще не пила.

Она дописала наблюдения по Каре с Ксаном и приложила к отчету необработанные данные. Осталось только добавить свое резюме. Ноги просили потянуться, а заодно угрожали судорогой. Такое иногда случалось после того, как ей заростили дыру в бедре.

– Мы наблюдаем несомненный прогресс, – заговорила она, следя, как ложатся на экран ее слова. – В трехсторонних отношениях между катализатором протомолекулы, сознающим субъектом и БИЧ... – Элви поморщилась и цокнула языком, стирая последнее слово, – и предполагаемым носителем данных иной цивилизации, по-видимому, завершилась процедура знакомства. Вызывает озабоченность, что первичный субъект с интерфейсом не предназначены друг для друга и их взаимодействие может оказаться... – она опять цокнула языком – дважды, – потенциально деструктивно для одного из них или для обоих.

Открылась дверь, и в кабинет вплыл Фаиз. Когда он ухватился за ладонник, останавливая движение, она вскинула руку – просьба помолчать. И, прежде чем продолжить, дождалась, когда дверь закроется.

– Следующей стадией станет попытка подтвердить уже имеющуюся информацию. В частности, я попрошу субъект задать ряд простых вопросов по данным обследования артефакта и по археологическим данным из нескольких систем, к которым она, по всей вероятности, не могла иметь доступа. Если она сумеет подтвердить имеющуюся информацию, это даст некоторую уверенность в надежности новых полученных от нее сведений. Однако, поскольку она находилась в частной лаборатории Кортасара и нам неизвестно, насколько он поддерживал информационную гигиену образцов, мне придется соблюдать особую осторожность в выборе проверочных вопросов.

Ни один из субъектов, по-видимому, не затронут событиями в системе Гедары. Мои сотрудники, включая и меня, не испытывали отключения или потери сознания со времени все-системной атаки несколько месяцев назад. Не зная, что ограничивает действия противника, я интерпретирую ограниченность атаки на Гедару как признак, что он еще находится в стадии эксперимента, в поиске взаимодействий, которые нас эффективно разоружат. Или что эта последняя атака затребовала больших усилий и противник не желает распространять ее шире. Или что нам пока не хватает ума понять, что мы видели, а я тут просто языком болтаю.

Она поцокала языком, стирая последнее саркастическое замечание, и закончила отчет. Когда Элви стала прокручивать текст, проверяя на ошибки и опечатки, Фаиз передвинулся так, чтобы через ее плечо видеть экран.

– Ты не сказала: «А если мы в скором времени не разберемся, злодей задует наши сознания, как столько-то миллиардов свечек, и с ответами придется подождать, пока тараканы не эволюционируют до нашего места».

– Мне кажется, муравьи опередят тараканов, – возразила Элви. – Хищный сверхорганизм. Тараканы для них просто передвижные тележки со жратвой.

– Вижу, ты об этом немало думала.

Она отправила копии отчета доктору Очиде в лаконский научный директорат и лично адмиралу Антону Трехо, который в данный момент, насколько то было возможно, управлял разумом их собственного хищного сверхорганизма. Откуда-то с «Сокола» ударил направленный луч, выплеснул свет в трансляторы, оставленные ими по пути, – в надежде, что те еще целы и функционируют. Информация, распространяясь со скоростью света, за час достигнет врат и проскочит за них, в спяпанную наспех, потрепанную войной, ненадежную сеть связи, оплетающую пространство колец, а уж оттуда, бог весть когда, доберется до Трехо.

Элви архивировала еще одну копию, пометила понятным подпольщикам значком и адресовала Наоми Нагате. И отослала.

– Когда-нибудь это для нас плохо кончится, – заметил Фаиз.

– А сейчас хорошо?

– Ну, сейчас у нас проблема со смертоносными космическими силами вне пространства и времени. А отправляя данные подполью, ты накличешь проблему с расстрельной командой корабельной службы безопасности.

Элви рассмеялась, но смехок вышел натянутый и сердитый.

– То, чем мы здесь занимаемся, важнее политики.

– Знаю, – согласился он. – Надеюсь только, что политики это тоже понимают.

Словно в ответ ему звякнула ее система. Внеочередной вызов с Лаконии. Только для Элви.

– Охренеть, как странно, – сказал Фаиз. – Хочешь, я выйду?

– Не хочу, – ответила она. – Но надо.

Он скрылся за дверью, а она включила воспроизведение. К камере склонялся Келли, личный слуга Уинстона Дуарте. Губы у него стянулись и побледнели. Новость, какой бы ни была, явно не из приятных.

– Доктор Окойе, адмирал Трехо уполномочил меня передать вам сведения службы безопасности, возможно, связанные с вашей работой. В состоянии верховного консула Дуарте произошли изменения...

Глава 5. Танака

Скафандр лаконской механизированной пехоты, «особый разведывательный», а в просторечье «Сталкер», – чудо инженерной мысли. Созданный для широких разведывательных целей, он был легче и быстрее стандартной модели и не щетинился стволами; его покрывали датчики и системы трекинга. Для боя на передовой он не годился. Его работа – проскользнуть за линию фронта, обнаружить врага, пометить цели и выскользнуть обратно до прибытия тяжелооруженных ударных сил. Мелкокалиберный пулемет Гатлинга в правом рукаве позволял «Сталкеру» при необходимости самостоятельно справляться с мелкими задачами.

Танака за десятилетия службы, начиная с Марсианского десанта в составе элитного батальона разведки на базе Геката, потом боевым офицером в созданном с нуля лаконском десанте, на себе испытала все модели силовой брони. И всем им предпочитала «Сталкер» – длинный, стройный, быстрый как борзая и крепкий как ноготь, – она всегда видела в этом скафандре механическую версию самой себя.

Тот, что был на ней сейчас, выкрасили в неприметную пеструю зелень, переходы оттенков сливались с красками лаконского леса и кустарников, в которые сейчас всматривалась дающая увеличение от трех до шестидесяти оптика скафандра. Два больших аккумулятора в наспинном ранце обеспечивали шестидесять часов автономности. Пулемет зарядили лентой, где бронебойные чередовались с мощными разрывными патронами. Танака кружила по лесу на ненапряжных двадцати километрах в час, распуская перед собой мелкую живность. Соблюдать осторожность не было нужды. Пока она не разыщет верховного консула, опасаться ей здесь некого.

Она начала работу с просмотра файлов и материалов, к которым прежде не имела допуска.

Актуальная информация по личной жизни консула была небогата даже в открытых ей статусом «Омега» файлах. И медицинский анамнез был неполным и двусмысленным. Прежде всего, его приватность и поддерживалась отсутствием записей. Зато жизнь любого другого лаконца подробно документировалась. Готовясь к вылазке, Танака захватила грязное белье верховного консула и позволила датчикам скафандра его «обнюхать». Теперь надетый на ней скафандр опознал бы химические маркеры всех, кто контактировал с тканью. Все, кроме одного, уже были установлены. Методом исключения она вычленила маркер верховного консула.

Негативное пространство для охотящегося зверя.

Она взяла след.

По записям системы наблюдения она сумела проследить Дуарте до края территории и еще немного. Дальше след стал трудноуловимым. Ветер развеял запахи, дождь смыл остальное.

Лакония – планета не из крупных, но все же это целая планета. Несколько дней назад Дуарте просто ушел. Хорошо, если он и дальше передвигался пешком, тогда она сумеет разыскать его за день. Однако мирколонии обыкновенно сохраняли транспортные сети древних – средства доставки треклятых чужаков. Если он проник в такую сеть, то мог попасть по ней в любую точку на Лаконии или на милях под ее поверхностью. Она, если отыщет место его входа, должна будет перейти к следующей стадии. Только и всего – делать шаг за шагом, пока не придешь к цели задания.

Ее внезапное появление застало врасплох семейство костяных оленей, своими внушительными рогами выкапывавших пропитание из почвы. Олени вскинулись и брызнули в разные стороны. Ее скафандр проследил всех, отметил угрозу как незначительную. Стоило ей отменить эту оценку и обозначить угрозу как высокую, пулемет в рукаве в считанные секунды покрошил бы стадо в лапшу.

Она не стала этого делать.

Поначалу она руководствовалась смутными признаками. Пятипроцентная вероятность – немногим лучше обоснованной догадки – вывела ее на звериную тропу через кустарник с серебристой листвой. Двадцатипроцентная вероятность направляла прямоком на отвесную скалу – этот путь она отбросила как ошибочный. Крест-накрест прочесывая местность, она расслабилась в привычном поиске, и освобожденное сознание утратило ощущение времени. Она слышала, что такое случается с глубоко погружившимися в работу художниками. Приятное чувство – наедине с собой, сосредоточенной исключительно на деле.

На той же скорости она пересекла узкую лесную полосу и углубилась в холмистые предгорья. К этому времени она уже предчувствовала, куда попадет. Топографическая карта увела ее в извилистый каньон и по нему вверх, к устью пещеры. Пещера была неплохо скрыта от случайных глаз. Неудивительно, что ее не обнаружили, пока не стали искать. Тереза, наверное, считала, что нашла лучший в мире тайник.

У входа то ли дрались, то ли спаривались два крупных грызуна – черных и черноглазых, с мозолистыми челюстями и ушами в форме морских раковин. Прервав свое занятие, они зашипели на подошедшую Танаку, оскалили кривые иголки темных зубов. Она пинком отбросила их с дороги. Зверьки с влажным хлопаньем ударились о стену пещеры и замерли. Ненадолго задержав взгляд на маленьких тушках, Танака нырнула в темноту.

В начинающемся от входа туннеле много лет прожил вражеский шпион. Здесь им все провоняло. Также скафандр уловил запахи Терезы и двух десятков других лаконцев. Команда ликвидации, убившая Тимоти, Амоса Бартона или как там его, и, позднее, поисковая группа, разыскивавшая труп и снаряжение. Согласно отчету, он все это время просидел на портативном ядерном заряде. Согласно основной версии – дожидался возможности выдернуть Холдена до использования заряда. Ей в человеке, способном, держа смерть в руках, терпеливо выжидать подходящее время, виделось подобие непорочности.

Костюм полагал, что выделил и запах Дуарте, но, если верховный консул здесь побывал, его след остыл или так переплелся с другими, что уверенности у скафандра не было. Танака продвигалась вглубь пещеры, пытаясь восстановить в себе чистоту сознания, однако убийство мелких псевдокрыс и остатки шпионского логова расшевелили ее мысли. Прекрасная пустота ушла, хотя охота продолжалась.

Камни здесь были светлые, крошащиеся, ненадежные. Сквозь такие можно прорыть ход усиленными перчатками скафандра. В голове зашевелились опасения насчет обвалов, особенно когда она, миновав заброшенный лагерь, углубилась в лабиринт тоннелей. Трекинг-система скафандра позволяла ему построить трехмерную карту пройденного маршрута, но гора была велика. Если она сплошь изрыта тоннелями, здесь можно потерять не один день. И, если Танака не ошиблась и Дуарте здесь действительно побывал, непросто будет найти место выхода.

Эффективнее было бы вызвать рой микродронов и наполнить ими пещеру. Но Трехо особо подчеркнул необходимость действовать скрытно, так что подключение технической команды для управления дронами представлялось излишним риском. И все-таки она оставила дроны как запасной вариант, если сама не доберется до разыскиваемого.

Хотя пока она не собиралась сдаваться. Рано.

Чем дальше она углублялась в тоннели, тем менее естественными они выглядели. У входа они напоминали случайную игру геологических сил, а здесь в стенах начали проступать необычные формы и фактуры, и такие же вырастали из пола пещерных залов. Черные и серебристые спирали как будто светились изнутри. Танака немало времени провела на лаконских кораблях, построенных орбитальными верфями чужаков, и узнавала технику создателей протомолекулы.

Эти пещеры определенно были созданы древними, но их цель затерялась во времени. Отчет поисковой группы говорил о необходимости дальнейших исследований, но атака на Лаконию заставила об этом забыть. Это дело ни у кого не числилось первоочередным. Кроме разве что Дуарте.

Она миновала сложную развилку: тоннель с востока на запад пересекался изгибом подошедшего снизу, с севера на юго-восток. Костюм выдал предупреждение. Взглянув на экран, она увидела семидесятипятипроцентное совпадение с образцом в верхнем проходе.

– Попался! – сказала она.

Только это был еще не факт. Она по подсказке скафандра следовала изгибам и поворотам тоннелей, а химический сигнал оставался в пределах от семидесяти пяти до шестидесяти процентов соответствия, пока не вывел ее в большой зал, заросший сложными кристаллами. Они поднимались от пола стройными пятиметровыми башнями стеклянного кружева и светились в луче фонаря мягкими пастельными тонами. В другой обстановке от такой красоты захватило бы дух. Этакая абстрактная скульптура периода поствозрождения. Танака задумалась, созданы они разумом чужаков или слепыми, бессмысленными силами природы. Неизвестность, прекрасная или пугающая, для нее ничего не меняла.

Скафандр не сомневался, что в этом зале верховный консул побывал. Первое стопроцентное попадание. Дуарте, даже если сейчас его здесь не было, определенно постоял на ее месте или совсем рядом. Видел эти кристаллы своим чудовищно измененным зрением. У нее чуть ускорился пульс при мысли, что, может быть, его действительно удастся разыскать. Облегчение от реальной надежды на успех показало, как старательно она игнорировала вероятность неудачи.

След вывел ее к основанию одной из башен. Пара собакоподобных механизмов возилась с лежащим рядом обломком кристалла. Танака разглядела на башне место, от которого он отломился. В досье лаконской разведслужбы такие штуковины назывались ремонтными дронами и считались неопасными. Они иногда забредали на окраины города, воровали неисправные устройства, чтобы со временем вернуть их починенными, но измененными. Среди забытых по нынешним временам проектов научного директората была попытка разобраться, каким образом они угадывали первоначальные функции изделия.

Скафандр распознал на одном из дронов запах верховного консула. Танака поморщилась. Если Дуарте, коснувшись механизма, оставил на нем свой запах и она шла по следу дрона, все труды насмарку. Где бы он ни повстречался с дроном, она уже не сумеет установить место встречи.

Танака готова была отправиться на поиски нового следа, когда одна из собак, выговорив «ки-ка-ко», подхватила обломок своей на удивление щенячьей пастью и побрела куда-то. Танака пошла следом.

Ряд головоломных поворотов вывел их в новый зал, раз в десять просторнее всех, что попадались до сих пор. Она словно в собор шагнула. Откуда-то доносился звук флейты или, может быть, ветра, насвистывающего в горлышки пустых бутылок. Из пола вырастали странные, почти живые на вид механизмы, поднимались над ней на высоту десяти или пятнадцати этажей. На миг она ощутила что-то очень похожее на благоговение.

Между механизмами виднелось полдюжины углублений, наполненных вязкой бурой жижей, вроде сточных вод, перемешанных с нефтяными маслами. Собака подошла к такому пруду, опустила в него обломок кристалла и замерла без движения. Скафандр сообщил Танаке о присутствии в зале еще одиннадцати подвижных объектов. Все – такие же собакоподобные дроны. Ни один не проявлял враждебности. Она видела, как они подносят к прудикам и роняют в них разные вещи. Одна собака достала из пруда что-то похожее на полуметровый отрезок водопроводной трубы и ушла с ним.

– Так у вас здесь ремонтная мастерская, песики? – вслух спросила Танака. – Вы чем здесь занимаетесь?

Подняв руку, Танака выпустила полдюжины патронов в одну из неподвижных собак – разнесла ее на куски. И стала ждать. Очень скоро несколько других собак подошли и принялись бережно собирать обломки погибшей, сбрасывая их в пруды.

– А-га, – обратилась к ним Танака. – Чините подружку, так, что ли? Ладно, я подожду.

Они уставились на нее большими глазами так, словно стеснялись поднятого ею шума. Одна произнесла «ки-ка-ко», но с места не двинулась.

Состав воздуха в этом зале был очень необычным, на его анализ у скафандра ушло несколько секунд, а потом он предостерегающе пискнул. Запах Дуарте. Явный след. Мысль, что он просто оставил свой запах на ремонтном дроне, стоила Танаке нескольких неприятных минут. Как он попал в этот зал: может, был ранен или скончался и его принесли собаки? Или он пришел к тем же выводам, что и она, и воспользовался сточными лужами, чтобы что-то починить? Легкий зуд в ладонях заставил ее усмехнуться. Азарт погони, как у собаки, которая натягивает поводок, учуяв кролика. Охотничий экстаз.

Она медленно, методично обошла периметр помещения, выискивая точку наибольшего соответствия. Не было смысла отслеживать передвижения Дуарте по залу, если можно установить место входа и выхода. Самым обнадеживающим оказался тоннель, полого уходивший вверх от большой пещеры.

В нем химический след становился яснее с каждым шагом. Через полчаса она вышла в большую комнату с окнами наружу.

Помещение имело полукруглую форму, прямая стена – длиной без малого шестьдесят метров. Метров двадцать посередине этой стены отсутствовали. В проломе врывались солнечные лучи. Небо в просветах лоз и ветвей светилось кислородной синевой.

Он здесь побывал. Более того, провел некоторое время. Повсюду оставил свои маркеры.

– Верховный консул? – позвала она, и скафандр усилил ее голос. – Я полковник Танака. Если вы здесь, сэр, я хотела бы с вами поговорить.

Ей никто не ответил.

По обе стороны пролома из пола вырастали веретенообразные люльки, и в каждой лежал пятнадцатиметровый предмет яйцевидной формы. Перламутровый блеск «яиц» она тоже видела раньше – в интерьерах боевых кораблей класса «Гравитар». На кораблях, вышедших со строительных платформ чужаков. А самый свежий след верховного консула вел к пустой люльке посередине. Танака медленно обошла ее, но не обнаружила исходящего следа.

– Ну-ну, малютка, – обратилась она к отсутствующему «яйцу». – И куда же тебя черт унес?

* * *

– Корабль, – сказал доктор Очида.

Танака откинулась в кресле. Она выбрала кабинет в здании Государственного совета оперативным штабом: десять сотрудников и внеочередной доступ к персонам любой важности по всей империи. Декор был безлично-политиканским, но она повесила на стену так, чтобы видеть, принт с «Артемидой-Охотницей» Аммона Фицуоллеса – ослепительно-зеленую картину с акцентами бликов и алой крови.

– Уверены?

– Я бы так не сказал, – ответил Очида. – Мы уже отправили на место запрошенную вами группу. Когда она закончит работу, будем знать точнее, чем сейчас, хотя такие образования нам уже знакомы. В системе Персефоны. В Бара Гаоне. Сварга Лока, Семь Царей... Не самая распространенная структура, но ни в коем случае не уникальная. Значительная доля древа

артефакта, видимо, занята физическими перемещениями, и мы, в особенности по данным из Семи Царей...

– Вероятно, корабль.

– Вы слишком упрощаете. Мы предполагаем в них капсулы для физического перемещения, – возразил Очида, – однако... – Они летали?

– Судя по расположению и конструкции – да, – кивнул Очида.

– Тогда как нам его выследить?

Очида подался к ней, скрипнул креслом, моргнул по-совиному.

– Выследить?

Танака незаметно для ученого сжала кулаки, но говорила по-прежнему сдержанно:

– Если мне нужно выяснить, куда отправился этот корабль, что мне искать: подпись двигателя? Тот или иной энергетический профиль?

Очида покачал головой – как если бы маленькая девочка стала расспрашивать его про одиноров.

– Движущие силы, использовавшиеся аборигенами, остаются для нас загадкой. Не то чтобы мы не пытались ее разгадать. Но еще с Эроса известно, что они включают в себя выведение локальной инерции из общей инерционной системы. Собственно двигателя там нет. Это больше похоже на управляемую гравитацию, когда внелокальные системы падают *сквозь* нормальное пространство...

– Ясно. – Танака неимоверным усилием сдержалась и не врезала по зубам ухмыляющемуся умнику. – Выброса двигателя не будет. Тогда как мне его искать?

– Эрос, если вы помните, был невидим и для радаров.

– Вы все объясняете мне, чего я не могу. Назовите что-нибудь из списка возможного.

Очида пожал плечами.

– Эрос, во всяком случае, постоянно наблюдался визуально. Если корабль попадал в поле зрения оптических телескопов, вы сумеете его найти. Хотя планетарная оборона повреждена атакой, так что... – Он поджал губы: общепринятая гримаса бессилия.

– Ясно, – сказала Танака. – Благодарю вас.

– Всегда рад помочь.

– Нет, – уточнила Танака, – я имею в виду, что вы можете идти.

Очида удивленно поморгал и вышел. Уже хорошо.

У Танаки чесались руки. Она только начала поиск, а он уже распространился от Лаконии и окрестностей ее транспортной сети до буквально всей системы в тысячу триста миров, и способов сузить круг она не видела. От бессилия у нее сводило мышцы между лопатками. Она вывела блокнот и принялась обдумывать варианты. Слежение за сигналами – само собой. Хоть один оптический телескоп должен был захватить возвращающиеся «яйца»? На станции, на корабле... где-нибудь вблизи врат.

«Голос вихря» – единственный уцелевший «Магнетар» – сейчас заменял собой планетарную оборону. Он в первую очередь. Если с него наблюдали корабль «яйцо», она хоть будет представлять, в каком направлении двигаться. В конце концов, Дуарте мог остаться в пределах системы. Доказательств его выхода за врата у нее не было.

А еще... что? Как отслеживать корабль, невидимый на радаре и не дающий дюзового выхлопа? Черная кошка в темной комнате. Если бы знала, чего он добивается, она значительно сократила бы список возможных мест назначения. Надо поговорить с лакеем и с адмиралом Трехо – не обронил ли Дуарте намек, куда мог направиться.

А что, если... идти по следу – не тот метод? Не лучше ли расставить ловушки? Может быть, Дуарте направился не в конкретное место. Если верховный консул что-то ищет, цель его поисков могла бы послужить наживкой.

Отчеты о текущих операциях были закрыты грифом высшей секретности. Ко всем имел допуск разве что сам Трехо, но ей он дал свой ключ. Пять оперативных группировок занимались поиском Терезы Дуарте. Танака читала их рапорты, но вполглаза – другая половина была занята поиском стратегии. До недавнего воскрешения Дуарте лишь один раз проявил признаки сознания – когда уничтожил Паоло Кортасара. И, если верить доктору Окойе, которая при этом присутствовала, он сделал это ради дочери. Такой ли большой натяжкой будет предположить, что в первую очередь он захочет увидеть девочку? Не окажется ли она наилучшей наживкой?

Черт побери, тут шансы уж точно выше, чем с поиском исчезнувшего корабля.

Самой надежной ниточкой к ней были рапорты разведки. Дальняя родственница покойной жены Дуарте держала частную школу в системе Новый Египет, и за ней водились связи с подпольем. Будь у Танаки дочка, она не отказалась бы отправить ее в такой интернат. Кстати, скоро начинается учебный год. Спрятать подростка среди множества сверстников – неплохая идея.

Танака вывела на экран сведения по штабу операции. Ею руководил фрегат-охотник «Ястреб-перепелятник» под командой капитана Ноэля Мугабо.

До сих пор.

Она связалась со своим заместителем и не дала ему даже рта открыть.

– Сообщите «Ястребу», что я принимаю непосредственное командование операцией в Новом Египте. И подыщите мне быстроходный транспорт. С жидкостными амортизаторами. Немедленно доставьте меня в Новый Египет.

Глава 6. Наоми

Амос – или то, что раньше было Амосом, – с улыбкой ждал, пока автодок закончит работу. Наоми, уцепившись за скобу, следила за прокручивающимися сканами и показаниями датчиков. Машина оценивала обследуемого как полную корзинку странностей. Некоторые из них обнаруживались в нем с самого возвращения с Лаконии. Какие-то были новыми: девиациями от прошлых измерений. И кто бы мог угадать, которые из них имеют значение? Где взять образец для сравнения, если других «животных» этого вида не существует, кроме только той пары, что осталась у Элви Окойе? Нет общей картины.

Наоми в последнее время часто так себя чувствовала. – Самочувствие отличное, – доложил он.

– Это хорошо. Но все равно побудь здесь еще немного. На случай повторения.

Шевельнулись сплошь залитые чернотой глазные яблоки. Она плохо умела определять, на чем он фокусирует взгляд – на ней или на чем-то еще. Глаза без радужек и зрачков выглядели одновременно слепыми и всевидящими.

– В ближайшее время, думаю, таких встрясок не будет.

– Тебе основательно досталось. И не только сейчас. Вообще. Лучше сразу разобраться, что с тобой происходит, чем новый припадок застанет тебя за опасной работой.

– Понимаю. Но такого больше не повторится.

– Пока не знаем, в чем причина, уверенности быть не может.

– Угу.

Они помолчали. Только вентиляция гудела и бормотал автодок.

– Ты?..

– Что – я, босс?

– Ты знаешь, отчего случился припадок.

Амос приподнял широкую сероватую ладонь – и да, и нет. И уголки губ у него разошлись чуть шире, точь-в-точь как раньше, только на полсекунды позже, чем раньше.

– Что-то чувствую. В новой голове оно вроде фонового шума. Это была икота. Вряд ли повторится.

Она попробовала улыбнуться ему в ответ, но чувствовала, что вышло ненатурально.

– Ты думаешь меня так успокоить?

– Ты не веришь, что я – это он, да?

Она отметила местоимение «он». Не сказал: «Ты не веришь, что я – это я».

– Мне даже вопрос непонятен.

– Это ничего. Я понимаю. Я уходил таким, как был. Вернулся вот с такими глазами и кровью. И мозг у меня вытворяет всякое, чего раньше не делал. Даже странно было бы, если бы ты не задумалась.

– А ты?..

– Что – я?

– Ты еще человек?

Такая улыбка могла означать что угодно.

– Не поручусь, что и раньше им был. Но точно знаю, что я – все еще я.

– И этого хватит. – Она заставила себя наклониться и чмокнуть его в широкую гладкую макушку – как если бы не знала сомнений. Если он правда Амос, она поступила правильно. Если нет, если он – не он, пусть лучше тот, кто он есть, поверит, что она его приняла. – Все же погоди часок возвращаться к работе.

– Как скажешь, – вздохнул он.

Она пожала его плечо – твердое. Таким ли оно было прежде? Амос всегда был силачом. На тренажерах проводил времени не меньше Бобби, а Бобби, почитай, не вылезала из спортзала. Наоми не взялась бы сказать, есть перемена или ее мозг просто выискивает отличия, создает их на ровном месте.

– Я буду за тобой приглядывать, – сказала она, потому что это ложью не было, как ни понимай.

Пространство колец – не место расслабляться. Были времена, когда от здешнего хаба человечество разлеталось к звездам. Тогда тут было безопасно или сравнительно безопасно. Все, что добиралось до края обозначенной кольцами сферы, пропадало навсегда, зато и из-за нее ничто не проникало внутрь.

Пока все-таки не проникло. И оказалось губительным. Теперь почти все корабли проскакивали пространство на полном газу, заранее устанавливали курс, позволявший как можно скорее нырнуть из врат во врата. Самый верный способ попасть в «голландцы», зато пребывание в этом жутком месте сводилось к минимуму.

Корабли входили в кольца и выходили из колец, сновали между тысячей с лишним систем, и все они в той или иной степени занимались торговлей. У каждого было свое дело, они не интересовались ни самой Наоми, ни грузом на ее плечах. А «Роси» оставался здесь, в свободном полете. И с каждым часом возрастала опасность, что реальность снова вскипит, уничтожив все, что есть в пространстве колец. Но и деваться им было некуда, пока нет плана и цели более осязаемой, нежели «остаться в живых».

Она работала в рубке, парила над амортизатором, подтянув ноги в позу лотоса. Ремни креплений плавали вокруг, как водоросли в кислородной цистерне, а на экране перед Наоми раскинулась сеть подполья. Когда она обдумывала атаку на Лаконию, было проще. Ломать – не строить.

После поражения Лаконии в ее собственной системе – на собственной планете – империя взялась упрочивать сохранившуюся власть. Трехо с оставшимися у него силами укреплял верфи и линии поставок. Наоми же, используя подготовленные для войны организацию и влияние, пыталась создать сеть самоуправления. В новостях из Сол, Бара Гаона, Оберона и Малой Сварги только и слышно было об усиливающемся присутствии Лаконии. Правда, оставалось неясным, кому понадобилась такая тихая заводь, как Сварга. У Наоми не хватало рук принять сообщения.

– Снова и снова повторяются те же возражения, – говорила с экрана Джиллиан Хьюстон, капитан похищенного подпольем флагмана. На вид она казалась ребенком. Но Наоми в ее возрасте – целую жизнь назад – уже летала на «Кентербери». – Система Байфан вышла или вот-вот выйдет на самодостаточность. Им не нравится, что кто-то указывает им, когда торговать, а когда воздержаться, и уж совсем они не готовы принять на себя ограничения, не распространяющиеся на другие системы. И я, должна сказать, их понимаю. Мы взяли отстаивать свободу. Не знаю, что называть свободой, если вы не вольны решать, на какой риск готовы пойти.

Наоми повертела головой, разминая сведенную шею. Она в третий раз пересматривала этот доклад, все надеялась найти не дававшееся в руки изящное и дипломатичное решение. Не вышло.

Вместо решения нарастала злость и напряжение. Судорога в основании черепа, тяжесть в груди, от которой сами собой сутулились плечи, сведенные до ноющей боли растянутые губы. Так тело отзывалось на раздражение, причин для которого хватало и помимо сообщения Джиллиан и не складывающегося ответа.

Наоми не могла отделаться от несправедливой мысли, что проблема решалась бы проще, если бы подполье состояло из одних астеров. Тогда она бы не сомневалась, что решение хотя бы существует. Астеры отличались отчаянной независимостью, но и понимали, насколько зависят

от окружающих, от своей общины. Не замененный вовремя клапан подвергал опасности не только схалтурившего разгильдяя. Его отказ означал гибель всей команды.

А колонисты вели себя так, будто их безопасность вовсе не зависела от благосостояния других систем и кораблей. Неужели так трудно понять, что от вашего согласия на небольшие ограничения и правила все будут в выигрыше? Но культура внутренних миров меряла жизнь другими мерками. Для них «лучше» означало «лучше, чем у соседа», а не улучшение для всех вместе.

Она понимала, что думать так несправедливо, да и не совсем верно. От бессилия в ней проснулись трайбализм и озлобленность. Потому она до сих пор и не ответила, хотя как фактический лидер подполья была обязана. Чего бы ей на самом деле хотелось – это посадить перед камерой Джима, и пусть выступит со своей воодушевляющей проповедью о единстве человечества, о том, что сообща они отвоюют себе победу. Удивительный у него талант – до сих пор в это верить после того, что они повидали и испытали.

Но он только-только вернулся к ней. И если она заведет привычку видеть в нем полезный инструмент, то погубит забрезжившую перед ними надежду. Нет, их отношения должны быть отделены от всего, священные, и остальной мир не вправе на них посягать.

Так что, как видно, и астеры не свободны от эгоизма.

Она включила запись.

«Джиллиан, спасибо за доклад. Пожалуйста, дай знать нашим друзьям в системе Байфан, что я понимаю и разделяю их озабоченность и, разумеется, их потребность в безопасности и равных условиях для торговых отношений между кольцами. Мы ставим себе целью свести к минимуму движение через кольца, по возможности быстрее добиваясь самодостаточности всех колоний, и в этом наши цели полностью совпадают. Я приложу презентацию, объясняющую выгоды этого плана для каждого из нас. Ее можешь тоже им переслать. Хотя надеюсь, они ее уже видели».

Но на сей раз пусть отнесутся со всем вниманием!

Или древний враг строителей врат найдет способ покончить с человечеством, и тогда все это станет неважно. В фатализме есть своя, темная притягательность.

Безнадежность и отчаяние так похожи на покой.

Она прокрутила запись, решила, что звучит слишком заученно и пафосно, и несколько раз пробовала поправить, потом сдалась и отослала. Очередь сообщений на вид короче не стала.

Слушая следующее, Наоми растирала ладони, разминала ноющие мускулы в основании больших пальцев. У губернатора Туана были худые щеки остромордого терьера, влажные лягушачьи глаза, тусклые черные волосы и натянутая официальная улыбка. Наоми подумалось, что, обладая этот человек любой другой внешностью, он все равно казался бы ей уродом. Надо быть снисходительней!

– От имени правящего совета Фирдо хочу поблагодарить вас за представленное предложение. Я весьма заинтересован в восстановлении надежного графика взаимовыгодных поставок.

– Но?... – подсказала Наоми, глядя, как Туан перед экраном кроит мрачную мину.

– Однако к представленному документу имеются весьма существенные претензии, требующие тщательного обсуждения. Поэтому я хотел бы предложить собрать саммит. Правда, Фирдо еще не вполне обеспечивает себя, но мы располагаем некоторыми излишками и рады будем ими поделиться. На время проведения переговоров вам и вашим помощникам будут предоставлены наши великолепные, уникальные виллы...

Она выбросила сообщение из списка важных. Сколько раз за рабочий день можно объяснять людям, что их спасет только сотрудничество?

На следующем сообщении она задержалась. Оно пришло из Сол. От Кита.

Единственный сын Алекса, от второго брака, был уже взрослым мужчиной, но она помнила его в пеленках и, как весь экипаж «Роси», знала его мать, Жизель. И вот он перед ней, смотрит в камеру. Кит пошел в мать – высокие острые скулы Жизель, царственный лоб и брови. Но стоило ему шевельнуться, Наоми узнавала Алекса.

– Привет, – заговорил он. – Да, знаю, давненько не был на связи. И такое дело... Я понимаю, что нам теперь никак не пообщаться. Но хотел тебе кое-что сказать.

У Наоми ком встал под ложечкой. Она подобралась, как перед ударом. Кит обращается к ней – значит, что-то с Алексом или новость причинит Алексу такую боль, что Кит, хоть и не смог промолчать, решил позаботиться, чтобы рядом был человек, готовый утешить.

– Так вот, – продолжал Кит, – в Сол осталось маловато работы по планетарной инженерии, и на каждое место пятнадцать человек желающих. Помню наш разговор насчет того, чтобы мне посидеть тихо...

Наоми свела брови, припоминая, когда она такое говорила.

– Но мне предложили работу в геологоразведке на Ньивстаде. В хорошей компании. Совместное финансирование, «Якобин-Блэк». У них там идет большое промышленное строительство и работы по управлению микроклиматом, так что, я думаю, это для нас хороший вариант. Но навещать нас станет труднее, а Рохи беременна, и тебе наверняка хотелось бы увидеть внука.

Кит ухмыльнулся, как ухмыляются, выложив ударную реплику анекдота, и Наоми остановила запись. По венам наркотиком разбегалось чувство облегчения. Она развалилась в кресле, послушала, как шипят шарниры, и крикнула наверх, в кабину:

– Алекс, у меня для тебя письмецо. Я перешлю.

Но он уже сбегал по трапу.

– Что стряслось?

– Ко мне попала твоя почта. В одном пакете с донесениями разведки, но это для тебя. От Кита.

Он расплылся в широкой улыбке.

– Ну, включай тогда!

Наоми прокрутила сообщение с начала. Она уже знала, чего ждать, и следила за лицом Алекса: заметила изумление, радость и слезы на глазах, когда дошло до главной новости. Кит поговорил еще немного, назвал даты переезда на Ньивстад и когда ждут родов. И еще какие-то мелкие новости о Жизель и жизни на Марсе. Когда он закончил словами «Я люблю тебя, папа», Алекс опустил в амортизатор рядом с Наоми.

– Вот так пинок по яйцам, – сказал он, ухмыляясь во весь рот. – Я стану дедушкой!

– Да уж.

Он поразмыслил немножко и покачал головой.

– Хотел сказать, что молод еще в дедушки, но на самом деле нет, верно?

– Нет, – согласилась Наоми, – не молод. Скорее, запоздал с этим делом.

– Это еще надо переварить. Господи, Кит – хороший парень. Надеюсь, с браком у него выйдет лучше моего.

– Он – не ты. Не поручусь, что он не запрет дело, но если и запрет, то по-своему.

Она вспомнила своего сына, погибшего вместе с отцом и Свободным флотом. Воспоминание почти не причинило боли. Нет, неправда. Оно всегда будет болеть, но боль стала тихой, ноющей, а не как от ножа в живот. Время лечит или хотя бы зарастивает шрамы бесчувствием.

Пискнула система пилотирования, и Алекс вытащил себя из кресла.

– А ведь и Жизель теперь будет бабушкой. – Он усмехнулся. – Вот уж ей придется против шерсти, а?

– Да, это звание в ее образ не вписывается, – согласилась Наоми.

– Из тебя вышел хороший дипломат, – заметил Алекс и направился к лифту.

Снова оставшись одна, Наоми отделила сообщение Кита от основного пакета и скопировала в конец списка сообщений для Алекса. Подумала, не оставить ли и себе копию, но письмо было адресовано не ей, так что без позволения не решилась.

Тихо щелкнуло предупреждение. В ее список вывалилось еще одно сообщение. Она настроила систему ставить метки, чтобы разбираться в наваливающихся делах. Эта метка была темного золота – ее она выбрала для «домашних». Касающихся «Росинанта» и ее маленькой семьи. Того, что осталось от ее маленькой семьи.

Этого сообщения Наоми ждала. В сопроводительных данных мелькали особые значки, которыми подполье удостоверяло подлинность. С трансляционной станции Нового Египта, как она и надеялась. С виду все в порядке. Все, касавшееся дочери верховного консула Дуарте, Наоми воспринимала как клубок змей, обвивших кусок плутония.

Удостоверившись в маршруте и источнике письма, она изолировала свою систему связи и вознесла безмолвную мольбу к мирозданию, прежде чем открыть сообщение. Оно состояло из одной текстовой строчки.

«Одобрено зачисление с осеннего семестра».

Глава 7. Джим

– Почему мне раньше не говорили? – спросила Тереза.

Джим не сказал бы, вызвано ее напряжение гневом, страхом или чем-то другим, но оно шалью окутывало плечи девочки. Глаза смотрели куда-то ему за правое плечо, такой неподвижный блестящий взгляд он помнил по Лаконии. Это означало, что Тереза внимательно слушает.

Странное дело – из всей их компании Джим дольше всего был знаком с Терезой. Они много лет прожили в здании Государственного совета: она как дочь верховного консула, он как его пленник. А может, они оба, каждый по-своему, были пленниками.

– Это я так решил, – сказал он. – Не хотел обсуждать, пока говорить не о чем.

Она вопросительно глянула на него.

– Не хотел тебя разочаровывать, – пояснил Джим.

– Ну вот, теперь можно обсудить. О чем речь?

– Это школа-интернат в системе Новый Египет. Пресвитерианская академия в Сохаге...

– Религиозное образование меня не интересует.

– Оно, строго говоря, не религиозное. Там есть религиозные курсы и службы, но необязательные.

Тереза выждала – словно откусила кусочек незнакомой пищи и подумывала, не выплюнуть ли.

– Что за родственница? – спросила она.

– Элизабет Финли. Двоюродная сестра твоей матери и, видимо, не слишком расположена к отцу. Идеальный вариант. Она знает, кто ты, примет меры к твоей безопасности и по личным соображениям не склонна пресмыкаться перед Лаконией, так что можно не опасаться, что выдаст тебя ради выгоды.

– А вы ее проверили?

– Проверяло, как могло, подполье. Вроде бы она прошла проверку. В Новом Египте ни Лакония, ни подполье не слишком заметны. Это тоже довод «за».

Взгляд Терезы снова уплыл к нему за плечо – девочка задумалась.

Каюта Терезы, как и остальные на «Роси», предназначалась для военных Марсианского флота – в те времена, когда это еще что-то значило. Джим привык видеть себя и других в этой спартанской обстановке. Но юной девушке такая должна представляться тюремной камерой. Джим в пятнадцать лет второй год учился в старшей школе Северного Фрэнчтауна, и заботило его, как урвать лишних двадцать минут сна по утрам, как скрыть свое равнодушие к лекциям химика мистера Лорена и пойдет ли с ним гулять Деливренс Бенавидес. В те времена ему вся Монтана казалась тесна. Терезе досталось всего несколько квадратных метров.

– А как же Ондатра?

– Финли писала, что не возражает. Другие учащиеся тоже держат домашних животных. Большей частью служебных пород, но слишком выделяться она не будет.

– Не знаю, – сказала Тереза. – Мне здесь нравится. Амос меня всему учит. И здесь меньше неизвестных.

Там все будут незнакомые. Не знаю, смогу ли им доверять.

– Я тебя понимаю, – сказал Джим. – Но у нас военный корабль. Мы на войне. И, хоть ты и вытащила нас из огня, выставить тебя щитом мне не по душе.

– Я хороший щит.

– Да, только я так больше не играю.

– Почему? – спросила она. – Знаю, вам было неприятно, но ведь сработало. И дальше будет работать, хоть иногда. Почему вы отказываетесь от того, что вас спасает?

Он удивился, с какой искренностью это было сказано.

– Щит принимает на себя удары, – объяснил Джим. – По щиту стреляют. Он для того и существует. И когда-нибудь кто-нибудь надумает вывести «Роси» из строя, всадив снаряд в дюзы. Или рискнет послать в нас снаряд-другой из рельсовой. Вопрос расчета. И да, с тобой меньше вероятность, что нас расстреляют. Но я не хочу, чтобы ты за меня погибла. Не согласен.

Она склонила голову к плечу, словно услышала незнакомый звук.

– Вам не все равно?

– Да, вроде как не все равно.

Если он ожидал вспышки чувств: благодарности, восхищения, хотя бы уважения к его моральному выбору, – не на ту напал. Она разглядывала его как редкий вид бабочки. Не то чтобы с презрением, но и не-презрением это не назовешь. Он видел, как ей в голову пришла новая мысль, и ждал, когда девочка соберется ее высказать.

– Если мне там не понравится, можно будет вернуться?

– Вероятно, нельзя, – сказал он и, помедлив, поправился: – Нельзя.

Грусть промелькнула на ее лице и пропала, но эта грусть была глубокой. Он начал лучше понимать, с какой потерей просит ее смириться.

– Мне надо подумать. Когда вам нужен ответ?

Наоми, сообщив ему известие, попросила сказать Терезе. Не добиться согласия, не поторговаться. Она выбрала глагол «сказать». А вышло вот что. Джим почесал себе шею.

– До начала семестра еще несколько недель. Я хотел отправить тебя пораньше, дать освоиться, но если мы пойдем с относительно жестким ускорением...

– Понимаю, – сказала она. – Я не буду слишком тянуть.

Он выплыл из каюты, толкнулся вдоль коридора. Услышал, как закрылась за ним дверь. Корабль молчал. Наоми ждала у себя. Ему предстояло признаться, что пятнадцатилетняя девочка добила от него права выбора: поступать в интернат или... надо полагать, остаться на корабле? Пойти против планов Наоми. Вроде бы он за это не в ответе, но все равно чувствовал, что не справился с поручением.

Проплывая мимо каюты Алекса, он услышал знакомый голос: «...но навещать нас станет труднее, а Рохи беременна, и тебе наверняка хотелось бы увидеть внука». Алекс с тех пор, как получил это письмо, стал часто улыбаться, но Джима одолевали другие чувства. Надо было бы радоваться за Алекса, и он считал, что неплохо изобразил радость. Похлопал пилота по плечу, рассказал анекдот про дедушку, рассмешив старого друга.

А на деле Джим поражался оптимизму Кита. «Поражался» здесь означало скорее «ужасался». Алекс часто заговаривал о внуке, прикидывал, родился уже или нет, какого будет роста, гадал, какое имя выберут Кит с женой, а Джиму виделось лишь еще одно тело в груди мертвецов, когда настанет конец. Еще один младенец перестанет дышать, когда неуловимый враг разрешит свою задачу. Еще одна смерть.

Наверное, это было неправильно. Сколько раз уже случался конец света: черная смерть, ядерная война, коллапс продовольственной системы. Перелет Эроса. У каждого поколения свой апокалипсис. Если бы люди всякий раз переставали влюбляться, рожать детей, радоваться, мечтать, до отказа проживать отпущенный им срок, человечество бы кончилось намного раньше.

Просто в этот раз все иначе. В этот раз им не выкарабкаться. Знал, понимал это только один человек – Амос. Только с Амосом он и мог поговорить.

Джим направился в сторону реактора и двигателя. В воздухе стоял сладковатый запах силиконовой смазки, и негромкое твяканье Ондатры направило Джима к машинному отделению. Псина плавала в воздухе, вертя хвостом, отчего и голова ее описывала крошечные круги. Губы Ондатра растянула в широкой собачьей ухмылке.

– Опять я без сосиски, – извинился Джим.

Собака тихо гавкнула в ответ.

– Не так ей и нужна сосиска, – заметил Амос. – Просто ты ей нравишься.
Джим, одной рукой придерживав собаку, погладил ее другой.

– Знаешь, всегда считал, что не дело держать собаку на космическом корабле, а все-таки мне нравится, что она здесь. Больше, само собой, когда мы идем с ускорением...

Амос поднялся с рабочего места, не выпуская из рук маленький сварочный аппарат. Защитные очки он сдвинул на лоб. В зажимах торчал гидравлический клапан, цепочка ожогов на керамике отмечала места, где еще не остыли металлические заплатки.

– Да ей и самой неловко, когда мне приходится таскать ее в вакуумный гидрант.

– Куда-куда?

– Эвфемизм для собачьего туалета, – объяснил Амос. – Это не я придумал – нашел в сети.

– То есть в невесомости полно таких псин, – обратился к Ондатре Джим. – Не ты одна.

– И с атрофией они справляются лучше нашего, – продолжал Амос, стягивая с головы очки и переправляя их в ящик для инструментов. – Может, потому что сцепление с грунтом у них на четыре точки.

– Возможно. Я буду по ней скучать, – сказал Джим и кивнул на клапан: – Непорядок с подачей воды?

– Нет. И не будет. Клапан подпортила минерализация, а если дожидаться, пока начнется эрозия, с тем же успехом можно печатать новый, понимаешь?

– Понимание я доверил хорошему специалисту. С меня и хватит.

Амос прищелкнул горелку в зажимы и вытянул из кармана тряпицу для полировки.

– Надо бы валить к чертям из Медленной зоны. Пока висим здесь, у меня мурашки по затылку так и бегают.

– Угу. Как только Наоми выяснит все, что ей надо, и решит, куда двигаться, – кивнул Джим. – Меня малышка беспокоит.

– Ага. И меня.

– Я все забываю, как многого она лишилась, понимаешь? Пока она не попала к нам, все ее переживания были выверены до миллиметра. Несколько месяцев у нас – только-только чтобы нащупать опору под ногами, – а тут снова все меняется. Многовато. А ей пятнадцать лет. Представляешь, если бы с тобой так в пятнадцать.

Амос взглянул так, будто Джим сказал что-то смешное.

– Ты за Кроху не переживай. Она справится.

– Точно? То есть... Много ли мы знаем про школу, куда ее отправляем?

– Знаем, что стрельбы там будет меньше, чем у нас.

– А кроме этого?

Амос намотал тряпицу на большой палец, крепче ухватил клапан и, продолжая разговор, принялся затирать следы ожогов.

– Кроха пытается понять, кто она такая. И, черт побери, *что* она такое. Она этим на Лаконии занималась, и здесь тоже. И школа тут ничего не изменит. Вопрос стоит так: учиться ей в интернатике в какой-то глухой дыре или в компании старых пердунов-революционеров уворачиваться от торпед.

– Разве мы революционеры?

– И еще... – Амос повысил голос, не давая Джиму уйти от темы. – Тебя не то гложет. Мы с тобой оба это знаем.

Ответить Джим не успел, потому что по общекорабельной связи вдруг прогремел голос Алекса:

– Эй, все. Я тут подумал... Как насчет маленького собрания? В камбузе? Если можете. Гм... Спасибо.

Амос прищурился на клапан, повертел перед глазами и напоследок обтер тряпкой. И вставил обратно в зажим.

– А на место установить не надо?

– Не-а, – ответил Амос. – На месте пока запасной.

– Тогда надо бы сходить послушать, что там у Алекса.

– Что-то ему понадобилось, но, прежде чем попросить, он еще несколько минут будет извиняться.

– Да, конечно, – признал Джим. – Просто интересно, что у него за вопрос.

Будь они под тягой, Алекс бы расхаживал по камбузу. Тереза пришла раньше них – парила у стены, не касаясь ее. Она скрестила руки на груди, губы стянуты, подбородок временами вздрагивает, девочка меняется в лице. Спроси его кто, Джим бы сказал, что она увлеченно беседует сама с собой, а остальных почти не замечает. Амос занял место у стола, закрепился магнитными подошвами, чтобы руки были свободны для Ондатры. Собака блаженствовала, видя почти всю стаю в сборе.

Наоми вошла последней и, взяв себе грушу чая, кивнула Алексу: можно начинать.

– Так вот, – заговорил Алекс. – Про Кита с Рохи все уже слышали, да?

– Что-то ты вроде бы говорил, – мягко поддразнил его Джим.

Алекс улыбнулся шутке.

– Так вот, я посчитал, и выходит, что малыш уже родился. Ну, я знаю, что забот у нас полон рот. И дела все очень важные. И рискованные. Будь это обычный контракт, я бы на такое не подписался. Только этот контракт обычным никогда не был.

Амос почти неслышно вздохнул. Но Алекс услышал, и Джиму было заметно, как его старый пилот мысленно вычеркнул несколько минут речи, не относящиеся к делу.

– Связь опасна и для него, и для нас, а все-таки очень хотелось бы... послать мальчику сообщение, понимаете? И, может, получить снимок внука. Я не знаю, что у нас впереди и чего захочет от нас подполье. Если нельзя... Просто я не мог не спросить. Понимаете, если все-таки как-нибудь можно, а я бы не...

Джим, обернувшись к Наоми, вопросительно вздернул подбородок. Она отхлебнула из груши.

– Пришлось бы сунуть нос в систему Сол, – ответила она. – Оттуда можно связаться по лучу через надежный транслятор.

– Нам сейчас до любых врат одинаково далеко, – сказал Джим. – То есть мы только вид делали, что работаем по контракту. Даже если Лакония держит в системе свои силы, там проще всего затеряться в потоке движения. Сол несколько веков копила корабли и инфраструктуру, мы там сольемся с фоном. Не то что в Аркадии или в Фархоуме – там бы мы оказались на виду.

– Риска там больше, – сказал Алекс, но это он просто хотел дать понять, что не обидится на отказ.

Джим, Наоми и Амос довольно с ним пролетали, чтобы не сомневаться: это правда. Он бы не рассердился, просто загрустил. А если им все равно умирать, почему бы не попытаться счастья?

– Думаю, надо рискнуть, – сказал Джим.

– Я надеялась, что мы подбросим Терезу до школы и направимся в Фирдо, – возразила Наоми.

– Врата Сол тут рядом, – ответил ей Джим. – Короткий рывок. Если прямо в кольцо никто не сторожит, проскочим за кольцо и тут же переворотом уйдем обратно.

Амос почесал себе шею.

– Воды мы на Кроносе взяли достаточно. Реакторная масса не вопрос. А время можно нагнать, если подольше держать ускорение по пути к Новому Египту и обратно. Неплохо бы пополнить топливные пеллеты и восстановители воздуха, но такой маленький крюк роли не играет.

– Ладно, – сдалась Наоми. – В Солнечные врата на минутку, только чтобы связаться с Китом, а потом к Новому Египту. Дозаправимся на Фирдо.

– Тебя такое устроит, Кроха? – спросил Амос.

Тереза выдернула себя из тех мест, где пребывала. На глазах у нее блестела пленка слез. Не слишком толстая, но заметная.

– Да. Хорошо. Да.

Алекс просто растаял от облегчения. И заговорил глухим, неверным голосом:

– Спасибо вам. Правда. Если бы нельзя, я бы пережил, но... Просто спасибо, и все.

– Семья – это важно, – сказала Наоми, и Джим не взялся бы судить, которое из тысячи возможных значений этих слов было у нее на уме сейчас.

С подготовкой «Роси» к переходу они уложились в неполный час даже при том, что Амосу пришлось заменить и проверить восстановленный клапан. Алекс распевал у себя в кабине, как жаворонок на заре. В его песне не было мелодии, а только музыкальные переливы радости и надежды. Амос с Терезой и Ондатрой ушли в машинный, а Джим гадал, что сейчас творится в душе у девочки. Отверженность? Гнев? Отрицание? Он надеялся, что нет. Или что не только это – еще и предвкушение, любопытство, надежда, смягчающие дурные чувства. Он, вопреки себе, надеялся, что это окажется важно, что Тереза каким-то чудом доживет до времени, когда сумеет разобраться в собственной душе.

Они начали движение к кольцу Сол на половине g вместо обычной трети. Наоми вздохнула. Джим было решил, что она думает о том же, что и он.

– До хрена кораблей шныряет через кольца, – заговорила она. – И мы тут не сказать чтобы хороший пример подавали.

Он взглянул на тактический экран. Конечно, она была права. В момент, когда Наоми поставила на паузу, чтобы оценить ситуацию, сквозь врата проходили еще десять кораблей – спешили по каким-то делам, которые сочли стоящими риска. Или не понимали, что риск есть. Или плевать на него хотели.

– Ты видел, что событие опять повторилось? – спросила Наоми. – Окое сообщает. В системе Гедары.

– Это уже который раз?

– Двадцатый? Что-то в этом роде.

Алекс у них над головами завел новую песню. Что-то радостное, брызжущее весельем, как весна водами. Джим словно слушал передачу из другой вселенной.

– Она разберется, – ответила на молчание Джима Наоми. – Если это вообще возможно, она разберется.

Они уже падали в дрожащую пленкой интерференции поверхность кольца Сол, когда из Лаконских врат вылетел быстроходный транспортник, перевернулся и, не щадя себя, начал разгон. Джим, наблюдая за ним, ждал луча с требованием капитуляции. Не дождался.

– Похоже, мы едва успели выскочить, – заметила Наоми.

– Опять над ухом просвистело, – согласился Джим. – Не знаю, надолго ли нам такое везение.

Они ушли за врата Сол, не успев увидеть, куда направлялся быстроходный транспортник.

Интерлюдия. Спящая

Спящая видит сон, и сновидение уносит ее вместе со всем, что ей принадлежит, в немислимое прошлое. Как в сказку, рассказанную бабушкой бабушки о своей прабабушке, она тихо и бесконечно падает в черный океан, охватывающий все на свете. Двух других с ней нет и снова есть, в ней тихонько звучит память о песнях, которых она никогда не забывала. Она расширяется – как птица расправляет крылья, чтобы согреться в солнечных лучах, хотя солнца нет и света нет – еще нет, – а холодная темнота просторна и уютна, как постель.

И она знает.

Когда-то – оно ушло так далеко, что некому о нем подумать, – было так: внизу лежала твердь жара, а сверху твердь холода, а между их неумолимыми пределами находился мир. Спящая видит во сне токи течений и сил, и кровь ее – кровь океана. Соль в ней – морская соль. Ладонью шире материка и мягче ее кожи она ласкает пылающий внизу жар и нежную прохладу наверху. Эоны прошли без жизни, а теперь жизнь есть. Может быть, есть многое, но ее сон – сон середины, и она видит середину, потому что путь ее плавания берет начало из середины, но медленно-медленно-медленно...

Спящая парит, и с ней парят другие – их стало больше? – пузырьки прошлости вкруг нее и в ней плывут в том же потоке, что есть она и что она *есть*. Два, соприкоснувшись, становятся одним; один, истончаясь, раздваивается, и каждый еще, и еще, и еще раздваивается. Она следит за ленивыми бессветными содроганиями блаженного холода, а бабушка нашептывает ей, что там рождается желание. Вот она, простая щенячья шалость созидания ради созидания, и создавать не из чего, кроме как из самой себя.

Спящая забывает, и забвение есть медлительность. Она тянется сквозь безвременье и безвидность, жаждет чего-то сытней воды. Пиршественные чаши поднимаются к ней снизу, насыщая на десятилетия, и она видит во сне, что спит, укрывшись от всего в вечном течении. Рука ее протягивается к пятке, кончики пальцев удлинняются, почесывая пальцы ноги. Она – младенец, созданный из пузырьков соленой воды, и кто-то из других подсказывает: «Как из клеток?» – но словам здесь нет места, она сейчас сладострастно вне всех языков.

Света нет – еще нет, – но далеко-далеко внизу есть жар. Он содрогается, бурлит, бушует. Он поднимает наверх странный вкус камней, что притягивает ее, и уносит прочь, и становится ею. Наверху холод, где ничто не течет, – бесконечная стена, огибающая вселенную. А рябь, всеприсущая теперь рябь потока внутри потока – единственное, что рождает ощущения. Опора среди вод, нечто, созданное из ничего, в котором она извивается в пляске. И впервые за все времена устает.

«Смотри-смотри-смотри, – нашептывают прабабушки. – Ощути ту, что падает, соскальзывает слишком низко в жар и буйство: запомни этот бездумный гений. Это важно», – говорят они, и спящая тоже тянется вниз, и другие – все, сколько их с ней есть, – погружаются.

Пузырь всплывает, полный дрожи, горячки, болезни, а остыв, он маслом налипает ей на язык, и миллиарды насекомых восторженно поют в летней ночи. Тысячи новеньких игрушек в перевязанной ленточками прозрачной обертке. Там кофе, и конфета, и первый неумелый поцелуй, и почти-почти-почти робкое прикосновение к коже. И она знает, что придет снова, что она – дитя пузырьков – вновь отошлет себя вовне, чтобы обжигаться и лелеять свои ожоги. Она жаждет отчуждения, рожденного жаром и болью.

«Так оно бывало, когда мы были девочками», – говорят бабушки, и спящей снится, что она понимает.

«Давайте, леди и джентльмены, – говорит кто-то. – По порядку и по инструкции».

Глава 8. Элви

Фаиз, зависнув над ее личным рабочим местом, прокручивал заметки. У него от сомнений или скепсиса всегда между бровями пролегала тонкая морщинка.

– Ты хоть что-то понимаешь? Лично я – ни хрена.

Там были данные сканирования мозга и тела Кары и то же самое по БИЧ, но Элви считала важнее запись опроса Кары и ее доклад. Беседа затянулась на несколько часов: Элви задавала вопросы, Кара отвечала устно или записывала ответы – именно они, хоть и были наименее объективными данными отчета, больше всего волновали.

– Понимаю. То есть думаю, что понимаю, – ответила Элви и добавила, помолчав: – У меня есть идеи.

Фаиз закрыл окно и повернулся к ней.

– Ты бы мне рассказала. Потому что я ни черта не понимаю, что здесь вижу.

Элви собралась с мыслями. Экзобиология всегда была у нее на втором плане. В туманном прошлом, отстоявшем, в сущности, всего на несколько невероятных, переполненных событиями десятилетий, она поступила во Всемирный колледж Седжона – в нем преподавали лучший из доступных ей курсов медицинской генетики. Если не кривить душой, не так уж она и любила эту специальность. В пятнадцать лет она посмотрела «Горсть дождя» с Амалей Уд-Даулу в роли генетика и целый год училась укладывать волосы, добиваясь сходства с актрисой. Так и не добилась. Странные алхимические процессы в организме подростка преобразовали влюбленность в актрису в интерес к болезнетворным изменениям в ДНК.

Идея, что пропущенная пара оснований преобразуется в чуть отличающийся изгиб белковой молекулы, что приводит к пороку сердечного клапана или незрячести глаза, одновременно захватывала и пугала студентку. Элви сочла, что это и есть страсть, и отдалась ей со всей преданностью женщины, решившей, что вышла на верный путь, обрела свое предназначение во вселенной.

Она выбрала курс по внеземной биологии, потому что куратор напомнил, насколько больше вакансий для молодых медгенетиков открывается, если сравнивать с Землей, на Марсе и станциях юпитерианских и сатурнианских спутников. Элви учла намек.

Лекции им читали в выстеленной желтым отсыревшим ковром комнатухе с настенным экраном – выгоревшие пиксели на нем очень напоминали мушиные следы. Профессор Ли три года как перевалил за пенсионный возраст и в аудиторию вернулся исключительно из любви к профессии. То ли его энтузиазм был заразителен, то ли вселенная таким образом поставила Элви на свое место. По каким бы причинам – или без причин – профессор Ли ни коснулся давних поисков внеземной жизни в океанах Европы, мозг у Элви засветился так, будто кто-то подлил ей в утреннюю кашу эйфориков.

Она, огорчив мать и куратора, переключилась на чисто гипотетическую по тем временам область экзобиологии. Ее куратор по этому поводу выразился буквально так: «С точки зрения трудоустройства вам бы лучше было выучиться на настройщика пианино».

И он был прав – пока Эрос не сошел с места. После того все ее соученики оказались обеспечены работой на всю жизнь.

Сейчас Элви была старше, чем профессор Ли, когда рассказывал ей про океаны Европы и о первых робких попытках доказать, что земное древо жизни во вселенной не единственное. Она повидала такое, что ей и не снилось, побывала в местах, о существовании которых в юности не подозревала, и очутилась – благодаря удаче и Джеймсу, черт его побери, Холдену – на переднем крае важнейших за всю человеческую историю исследований.

Странное дело: круг замкнулся на тех лекциях профессора Ли про Европу. Про ледяную Европу, оказавшуюся в конечном счете безжизненной и все же открывшую ей вселенную.

Элви придержалась за скобу. Она уже привыкла вполне естественно двигаться в невесомости. А вот возможности расхаживать по комнате ей все равно не доставало.

– Ладно, что тебе известно о модели «медленной жизни»?

– Вот теперь знаю, что такая модель существует.

– Ясно. Начать с азов. Ладно. Так вот, скорость метаболизма вариативна. Это можно наблюдать на животных. Есть быстрые с высокой скоростью воспроизводства, вроде крыс и куриц, а есть черепахи с высокой продолжительностью жизни и метаболизмом гораздо медленнее других. В спектр между ними укладывается все древо жизни. Предположительно, найдутся существа, эволюционирующие в весьма низкоэнергетической среде и потребляющие, сам понимаешь, очень мало энергии. Медленный метаболизм, медленное воспроизводство. Долгая жизнь. Медленная жизнь.

– Космические черепахи?

– Ледниковые черепахи. Или моллюски из очень холодных морей. Или медузы. Или существа с почти нейтральной плавучестью. Не в этом дело. Теоретически возможно нечто, эволюционирующее в условиях, где почти нет доступной энергии, и его восприятие времени окажется очень... неспешным. Таких искала экспедиция «Терешкова».

– Это надо же... – тупо выговорил Фаиз.

– «Терешкова-1» и «Терешкова-2» – первые дальние экспедиции на Европу. Они искали внеземную жизнь.

– И не нашли.

– Какие-то прекурсоры аминокислот нашли, но жизнь – нет.

– Так что твои космические черепахи не с Европы родом.

В ней вспыхнуло и сразу погасло раздражение. Оба они устали. Оба сидят на единственном корабле в пустой системе, из которой помощи не дозваться неделями. И не так уж понятно она объясняет. Сглотнув, Элви расправила плечи и продолжила:

– Не с Европы. Но искали мы что-то вроде них. И еще одно. Экспедиция «Терешкова» искала еще и глубоководные организмы.

– Эти знаю. Черви и тому подобные, обитающие вблизи вулканических источников. Используют вместо солнечной энергии гидротермальную.

– И еще им достается немало интересных с точки зрения биологии минеральных ресурсов, но в целом так.

– Уж в вулканизме-то я разбираюсь, – похвалился Фаиз.

– Вот это Кара и описывает. Такой биом. Смотри, она говорила про холод наверху и жар внизу. Как на покрытой ледяной коркой жидкой луне с горячим ядром. А между ними открытые воды. Это где она говорит, что почувствовала, как из самой себя создается большее. Это... Не знаю. Какой-то способ воспроизводства.

Митоз или почкование.

– И еще вкус камней, – вспомнил Фаиз. – Всплывающие снизу минеральные питательные вещества. Ты думаешь, это они? Твои медленные черепахи?

– Медузы. И глубоководные организмы, только глубже.

– Вроде тех, что искали на Европе.

Морщинка у него на лбу разгладилась. Элви хотела продолжать, но она знала мужа. Пока он что-то обдумывает, ее не услышит. И гудение корабля с тиканьем вентиляции оставались единственными звуками, пока он не рассмеялся – коротко, как кашлянул.

– Ладно, я знаю, о чем мне подумалось, – сказал он. – Та штука в воде... – Опора?

– Да, она.

– Она появилась после, черт его побери, вкуса камней? Кроме шуток, надо было прихватить аспиранта с кафедры поэзии. Это не данные, а хрен знает что. Так о чем тебе подумалось?

– Да, извини. Это такое экспрессионистское, на уровне ощущений, описание восприятия железа, ведущее к ориентации по магнитному полю. Может в воде найтись такая опора?

– И еще там в конце, – подсказала Элви. – Когда что-то уходит вниз, в жар, и возвращается в шрамах, но и с этим... с чем-то вроде откровения. Как если бы медленный организм впервые преднамеренно погрузился в богатую питательными веществами среду. Искал пищи, а не просто натыкался на нее. Мне кажется, Кара проживает эволюционную историю организма. Этот алмаз...

– Спасибо, хоть изумрудом не обозвала...

– ...показывает ей, как возник. Так бы мы стали объяснять жизнь никогда не видевшему ничего подобного существу: начиная с органической химии и надстраивая над ней свою историю до настоящего времени.

Фаиз притих. На лбу снова появилась морщинка. Элви толкнулась от стены, пальцами ухватила за край стола, остановилась. Он, заглянув ей в лицо, покачал головой:

– Нет, смысл в этом есть. Какой-то. Понимаю, это могло бы оказаться наилучшей стратегией передачи информации, и все такое. Справедливо. Ладно, предположим, создатели протомолекулы допустили нас к части своей истории – во времена, когда они были хомячками и прятались от динозавров. Не хочу портить тебе настроение, но... что из этого?

Элви сама не знала, каких слов от него ждала, но точно не этих.

– А то, что мы теперь о них кое-что знаем. Возможно, знаем происхождение вида, который распространился по всей вселенной и преодолел то, что мы считаем законами природы. Это немало.

– Немало. Да. Но это было так давно, душа моя. Не лучше ли Каре выпросить у алмаза первые пять способов спастись от обитающих вне пространства-времени жутких чудищ, пока они не перебили всех до единого?

– Лучше – если бы она сумела понять ответ.

– И если они сами знают. А по всему похоже, что нет. В смысле их сложная ловушка с выбросом гамма-излучения в системе Текомы – это вроде как привязать курок дробовика к дверной ручке. Пусть даже мы все узнаем о нашей космической медузе, что мы выиграем?

Они замолчали. Чувство тяжести в центре живота было Элви давно знакомо. Этот камень как засел там, так и сидел день за днем. Хотя иногда она о нем почти забывала. Она ждала следующих слов: «Что мы здесь делаем?» – и уже заготовила ответ: «Все, что можем».

Но Фаиз ее удивил:

– Все будет хорошо.

Она засмеялась – не потому, что поверила, а потому, что ложь била в глаза. И еще потому, что он хотел ее утешить, а ей хотелось утешиться. Он поймал ее за локоть, перетянул через пустой стол поближе к себе. Обнял, а она позволила себе прикинуться к его груди, паря вместе с ним, прижалась головой к плечу и бедрами к бедрам – как сиамские близнецы в одном плодовом пузыре. Такой образ мало кому согрел бы сердце, а ей грел. А когда она оставалась наедине с Фаизом, ей не было дела до других.

Дыхание у него пахло чаем с дымком.

– Прости, – пробормотала она. – Прости, малыш.

– За что?

– За все.

– Ты не виновата.

Она прижалась щекой к его виску, ощутила кожей колючие волосы. Глаза застилала пелена слез, кабинет расплывался, как будто она смотрела из-под воды.

– Знаю. Но не знаю, как все исправить, а должна.

Она чувствовала, как расширилась и опала от вздоха его грудь.

– Ужасно часто мы вызываем к Мириам, а?

– Кое-чего мы добились. Столько узнали.

– Ты права. Просто я расстроен. Но я и не думал смеяться над твоей работой, – сказал Фаиз. – Если ответ вообще есть, он здесь.

Она кивнула в надежде, что он прав, что неотступное чувство, будто она упустила что-то важное – жизненно важное, что есть в отчете, – не обманывает. И что она со временем найдет это что-то.

Позже, когда Фаиз собрался немножко поспать, она перебрала пакет отчетов Очида. Группа физики высоких энергий представила самые свежие данные. Сложная составная модель показывала возможную связь между атакой на «Тайфун», нарастанием энергии виртуальных частиц в системе Текомы и первым случаем провала в сознании после уничтожения «Бурей» станции Паллада. Разведочная компания, обычно занимавшаяся добычей ископаемых в окрестностях Юпитера, вела сейчас поиски той невиданной волшебной «пули», что прицепилась к погибшей «Буре». Ее группа – математической биологии – представляла план эксперимента по круглосуточной спектроскопии ближнего инфракрасного излучения во всех обитаемых системах с целью собрать при следующем ударе врага по сознанию надежные данные. Все доклады прогонялись через мощные программы поиска закономерностей на Земле, на Марсе, на Лаконии и на Бара Гаоне – в надежде, что машинный интеллект выловит что-то упущенное человеческим.

Такого обширного, так щедро финансируемого поиска в истории человечества еще не бывало. Миллион ученых перебирали стог сена величиной в тысячу триста планет в надежде, что где-то в нем скрыта иголка.

Иногда Элви задумывалась, не на то ли изначально рассчитывал Дуарте. Толкать, толкать, пока задача по объяснению сущности колец не выдвинется для всего человечества на первое место. Он всегда держался мнения, что рано или поздно им придется решать эту задачу, а человечество так устроено, что напрягает все силы, только когда встает вопрос о выживании. Каковы бы ни были намерения верховного консула, сейчас все человечество билось над одной задачей. И треклятый Джеймс Холден умудрился всю ответственность за решение взвалить на нее.

Элви не сумела бы сказать, успокаивает ее картина столь великих трудов или заводит. Скорее, было то и другое вместе.

Добравшись до конца пакета, она отключила экран. Еще ей как главе лаконского научного директората предстояло дать свой отзыв или разрешение по дюжине-другой вопросов, и она собиралась это сделать. Только прежде немножко поест и, пожалуй, вздремнет. Если сумеет уснуть.

Она, подтягиваясь от захвата к захвату, проплыла через корабль. Кара с Ксаном сидели в камбузе с Харшааном Ли и Квинн де Бодар. Элви, расправляясь с грушей чечевиного супа, наблюдала за детьми.

– Майор, – кивнул ей Харшаан Ли, проплывая над головой.

– Доктор, – поздоровалась в ответ Элви и отправила в рот еще глоток супа.

«Сокол» хорошо готовил. У чечевицы был почти настоящий вкус – сытный, землистый и успокоительный, – хоть и состояла она, скорее всего, из текстурированных грибковых протеинов.

– А мы тут говорили про «Волшебника Кенджи», – сказала Квинн. – Это передача из системы Самавашарана.

– Не знаю такой, – отозвалась Элви.

Ксан, медленно развернувшись вокруг оси z, тут же принялся пересказывать сюжет. В нем фигурировала тайная космическая станция, построенная ангелами, представлявшими собой воплощение человеческих желаний. И, как видно, было много песенок – одну Ксан ей пропел, а Кара подпевала. Слушая их, Элви с удивлением почувствовала, как легчает на душе.

Энтузиазм Ксана и его милый ребяческий нарциссизм, увлекавший мальчика в центр любой беседы, в сущности, ее радовали. На несколько минут Элви выбралась из собственной головы. Так легко забывалось, что Ксан уже сорок с лишним лет как семилетка.

Она готова была пожалеть, что вернулась в себя.

– Кара? – Элви кивнула на дальний конец комнаты. – Можно тебя на минутку?

Девочка, которая не была девочкой, застыла на миг, как случилось у них с Ксаном, – стала неподвижной камня. Это длилось всего мгновение, но всякий раз пугало. Потом Кара кивнула и тихонько толкнулась в указанную Элви сторону. Элви закинула пустую грушу в утилизатор и поплыла ей навстречу. Оставшийся с Квинн и Харшааном мальчик встревоженно моргнул черными глазами, и Элви помахала ему – постаравшись, чтобы получилось успокаивающе.

– Что у вас на уме, док? – спросила Кара.

Такое непринужденное обращение всегда согревало Элви. Для существа, которое индуцированный социопат десятилетиями держал в клетке для опытов, девочка на удивление быстро ей доверилась.

– Пара вопросов. Хотела узнать, как ты себя чувствуешь. Последнее погружение было... Там есть интересные показатели. Похоже, что ты по-новому настроилась на нашего большого зеленого друга. Реакции выглядели монолокальными, без светового лага.

– Да, – едва дослушав, откликнулась Кара. – Я тоже почувствовала.

– И мы не знаем, что это было, потому я и спрашиваю: как ты? Все в порядке?

– Все прекрасно, – ответила Кара. – Этот заход мне показался... Не знаю, как сказать. Хорошим. *Правильным.*

Это Элви уже знала сама. Просмотрела данные сканирования и видела, как повлиял сеанс связи на уровень эндорфинов. Если позволить себе антропоморфизм, она сказала бы, что БИЧ хотел возвращения Кары. Не было оснований видеть в этом волю или преднамеренность. Но он добивался, чтобы девочка вернулась.

Где-то в глубине сознания Элви сидело предчувствие, что сейчас она сделает ошибку. Но она решила ее сделать.

– Тогда, – сказала она, – я думаю, не уплотнить ли график погружений. Можно делать паузы на день-другой короче.

– Вот бы здорово! – обрадовалась Кара. – Не вижу, почему бы нет. Я справлюсь.

Улыбка ее была такой настоящей – такой человеческой, – что Элви невольно улыбнулась в ответ.

– Вот и хорошо. Я обсужу это с группой, и мы составим новый график. Может, попробуем еще раз прямо завтра?

Кара даже задрожала от волнения, а с другого конца помещения хмуро, беспокойно взглянул на них Ксан. Не просто беспокойно. С тоской. Элви взяла Кару за руку, пожала ей пальцы, и Кара ответила на пожатие.

Жест, соединяющий людей от начала их рода.

– Все будет хорошо.

Только услышав свои слова, Элви осознала, что повторяет за Фаизом. И не верит себе.

– Знаю, – ответила Кара.

Глава 9. Кит

Отец смотрел на него с экрана красными от счастливых слез глазами. Может, Алексу Камалу и раньше случалось плакать от радости за Кита, но Кит тогда был младенцем. Не запомнил. И сейчас увиденное стало для него откровением.

– Я так горжусь вами с Рохи. Жизнь, которую вы строите вдвоем... Это... Это... Не так легко понять, что значит создать семью. Привести в мир нового человека. Но теперь, когда вы справились, я надеюсь, ты видишь, как мы за вас рады. И я, и твоя мама. Это потрясающе. Это все, на что я для тебя надеялся. И знаю – знаю! – ты будешь хорошим отцом. Лучше, чем я.

– Черт побери, папа, – выдохнул Кит. – Опять про то же самое?

– То плохое, что случилось, – оно не относится к тебе. Тебя я любил. Люблю. Мне больше ничего не надо. То, что вы сделали, – это для меня всё. Я так счастлив. Так счастлив за вас.

Сообщение кончилось. Отец наговорил на целых пять минут, и Кит сомневался, хватит ли у него выдержки прослушать все заново. Отцу легко представлять жизнь сына в романтических красках. Расстояние и опасности переписки позволяли Алексу увидеть лишь малую часть очень большой картины.

Кит засек время. Сказать было особенно нечего, а многое из того, что можно сказать, он не хотел вваливать на плечи отцу. Будь жива тетя Бобби, Кит бы, наверное, обратился к ней. Она как-то умела видеть суть. Сочувствовать, не впадая в сентиментальность. Отец для такого слишком много тащил на себе, и Кит до сих пор не мог отказаться от привычки его оберегать.

Он включил запись.

– Привет, – заговорил он в камеру. – Хочу сказать большое спасибо, что вы решились подойти так близко, чтобы почти в реальном времени вести переговоры. Я ведь чаще всего только надеюсь, что вы получите мое сообщение... Черт...

Он остановил и стер запись. Ни к чему заходить на новый круг: Алекс и так непрестанно корит себя, что слишком мало участвовал в жизни Кита-подростка. Отцовское чувство вины было куда сильнее сыновней обиды. А то, что Кит мог бы сказать сейчас, явно не улучшило бы ничьего эмоционального состояния.

Но что-то же сказать надо?

На время его выручил звонок в дверь. Отключив связь, Кит приказал двери открыться. Мать вплыла в комнату в своей обычной манере. Своей благородной и властной наружностью она пользовалась как дубинкой. Кит ее любил и не думал разлюбить, но видеть предпочитал на экране.

– Где мой мальчик? – широко улыбнулась она. Она не Кита имела в виду.

– Рохи меняет ему подгузник. – Кит подбородком указал в глубину квартиры. – Через минуту выйдет.

– Рокия! Бабушка спешит на помощь.

Рохи терпеть не могла, когда кто-то, кроме родных, звал ее полным именем. Мать, с того дня, как об этом узнала, иначе ее не называла. Кит понимал, что она так пытается выразить любовь и готовность принять в семью. А еще понимал, что идет борьба за власть. Он умел разобраться в кроющемся здесь противоречии, потому что он с этим вырос, а Рохи – нет. Дисфункциональность и идиосинкразии детства для взрослого становятся нормой.

Он прислушался: разговор Жизель и Рохи, лепет Бакари. Слов не различал, зато узнавал интонации. Властный голос матери – компенсация внутренней неуверенности. Добродушная вежливость Рохи – маскировка для раздражения. А голос младенца был пока непривычен; Кит слышал в нем только собственную радость и усталость.

Минуту спустя все трое вышли к нему: мать, жена и сын. Бакари был уже на руках у Жизель. Рохи натянуто, но терпеливо улыбалась.

– Бабушка здесь, – сказала его мать. – Я обо всем позабочусь. Вы, милые, ступайте погуляйте ночь, пока я играю с моим чудным малюткой.

– Мы поужинаем и вернемся, – ответил Кит.

– Не спешите! – величественно взмахнула рукой Жизель.

Рохи закатила глаза – совсем чуть-чуть, почти незаметно. Кит поклонился матери, чмокнул в не заросший еще родничок на макушке застеснявшегося сына, после чего они с Рохи вышли в общий коридор и закрыли за собой дверь. Последнее, что он услышал, – вопль догадавшегося, что они уходят, Бакари.

– «Погулять ночь»? – спросила Рохи, когда они двинулись к местному хабу.

– Так проще, чем «нам с Рохи нужно спокойно поговорить», – объяснил Кит. – Она бы мне полчаса внушала, чем плох развод. А так обойдется без нотаций.

Он рассчитывал ее насмешить, но Рохи коротко, по-деловому кивнула. Она не взяла его под руку и смотрела прямо перед собой.

Общие коридоры освещались ярко, посаженные по средней линии растения под сквозняком из вентиляции шевелили широкими листьями. Они согласились на работу в марсианском Атерполе потому, что этот научный центр в системе Сол уступал только Земле и условия для родов здесь были естественнее, чем на любой космической станции, кроме, вероятно, Ганимеда. Жизель восхитилась, и Рохи тоже – поначалу.

Они подошли к своей излюбленной лапшичной. На крошечной сцене сидел шеголяющий россыпью угрей молодой человек, тихонько пощипывал струны домбры, а на едоков не обращал никакого внимания. Кит сел, Рохи заняла место напротив. Им тоже было не до музыки.

– Хочешь сначала сделать заказ? – спросил Кит самым нейтральным тоном.

– Да.

Рохи в одну минуту набрала на столике любимое блюдо и дождалась подтверждения системы. Три минуты они молчали – пока старик Джандол не вынес их заказ: для него ролл с яйцом и лемонграссом, для Рохи – ком чьен са. Кит отметил про себя, что она выбрала блюдо, которое ее всегда утешало. Джандол, не замечая напряжения или не интересуясь им, кивнул обоим и вернулся на кухню. Рохи склонилась над своей мисочкой.

– Ну, – спросил Кит, – что ты хотела сказать?

– Дослушай меня, ладно?

Он кивнул.

– По-моему, нам надо пока отложить этот контракт.

– Рохи...

– Нет, ты дослушай. – Она выждала, проверяя, замолчал ли он. – Знаю, на Марсе всего треть g, зато постоянная треть. Для первых месяцев развития постоянная гравитация очень важна. У него еще продолжается формирование внутреннего уха. И начинается рост костей. В первый год в организме происходит множество фундаментальных изменений, а мы даже на самом быстроходном корабле много месяцев будем проводить в свободном полете. Не хочу я видеть у него какой-нибудь из синдромов невесомости. Не хочу, чтобы ранние изменения организма потом мешали ему в жизни.

И сделаю все, чтобы этого не допустить.

– Продолжай.

– Я смотрела график. Наши места на «Прайссе» охотно возьмут трое из нашей группы. Мы уложимся в расписание, даже если перепишемся на рейс «Наг Хаммади».

– Если на него попадем, – уточнил Кит.

– Я не говорю: давай откажемся. Не предлагаю отменить контракт. Я о другом.

На щеку ей медленно выкатилась большая слеза.

Она смахнула каплю, как предательницу.

Кит глубоко вздохнул и выдохнул. И заговорил осторожно:

– Ты плачешь.

– Ну да. Мне страшно.

– Чего ты боишься?

Она удивилась вопросу: ответ как будто бы ясен без слов. Так и было, но он хотел, чтобы она все-таки высказалась вслух.

– Я ведь не прошу тебя пожертвовать своей карьерой, – проговорила она.

Этой «твоей» карьерой вместо «нашей» для него все было сказано. Кит догадывался, что понимает перемену в их отношениях, а теперь знал точно. Уголки ее губ опустились, и ему подумалось, что так она выглядела девочкой, задолго до их первой встречи.

– Ясно, – сказал он. – Теперь можно мне?

Она кивнула.

– Так вот, во-первых, я – не мой отец. И не твои матери. Я не стану следовать их примеру. Ты и Бакари для меня всегда на первом месте. Я вас не брошу, даже если это ломает мне карьеру.

– Я только... Он взял ее за руку.

– Дослушаешь?

Она кивнула. И следующую слезу оставила катиться по щеке.

– Я понимаю, что время не самое удачное, – сказал он, – но идеального времени не бывает. Всегда что-то мешает. Развитие Бакари, или здоровье матери, или конференция, на которую мы не успеваем, или что-то еще. Всегда что-то есть.

– Пока Лакония не развяжет новую войну в попытке что-то доказать. Или пока нас всех не прикончат пришельцы.

– Это от меня не зависит, – возразил Кит. – Мне остается вести себя так, будто вселенная никуда не денется, и в ее рамках планировать будущее. На Ньивстаде тяготение одна и две от земного. «ЯкобинБлэк» – хорошая компания и занимается тем, чем нам хотелось бы заниматься, но это не значит, что мы к ней привязаны. Можно разорвать контракт и поискать что-то другое. Или можно лететь и постараться справиться. Если полетим, есть много хороших программ помощи родителям и детям при смене гравитации. И я, если хочешь, готов каждый день ходить с тобой в тренажерную. А если останемся, найдется другая работа. Мы всё можем. Но то, что мы выберем, мы будем делать вместе.

Рохи посмотрела на него красными глазами и салфеткой стерла слезы.

– Глупо.

– Ты боялась разговора о выборе между семьей и работой, да оно и понятно. Я понимаю, и я тебя люблю, и хорошенько поплакать при таком разговоре совсем не вредно. А ты меня не осуждай, когда придет моя очередь лить слезы.

– Я просто боюсь все испортить, – сказала она. – Вдруг мы испортим ему жизнь?

Кит большим пальцем погладил ее кулачок – как делал, когда ей не спалось.

– А ведь испортим. Никто не совершенен. Каждый несет на себе что-то, что родители, если бы знали, сделали иначе. Или если бы родители были лучше. Или если бы мир был другим. Это ничего. Это нормально. Я, такой как есть, стал таким отчасти потому, что мои мама с папой решили так, как решили, а поступи они иначе, все равно ошиблись бы в чем-то другом, и эта ошибка все равно оставила бы на мне след. Они несовершенны, и мы несовершенны.

– А он – да, – сказала Рохи. – Бакари – совершенство.

– Вот уж это точно!

Они еще долго сидели молча. Вышел Джандол, спросил, не забрать ли у них посуду. Кит мотнул головой, и старик, пожав плечами, потопал на кухню.

Наконец Рохи тяжело вздохнула и с этим вздохом словно развернулась. И, когда заговорила, голос прозвучал свободно:

– Хорошо. Спасибо тебе.

– Только не извиняйся!

– Я и не извиняюсь.

– Но ведь собиралась?

Она улыбнулась. Он видел, что буря миновала.

– Собиралась.

Он втянул в рот лапшу и стал жевать. Лемонграсс имел натуральный вкус, лапша была мягкой и солоноватой. Немножко остыла, но это ничего. Рохи вздохнула и села свободней.

После ужина они не спеша пошли домой. Она взяла его под руку, он прижал ее к себе. На время будто вернулась пора жениховства, только сейчас все было глубже. Богаче. Полнее. От этого отказались и его, и ее родители, и Кит не мог их понять.

Жизель сидела на диване, прокручивала на ладоннике что-то развлекательное. Когда они вошли, она приложила палец к губам и кивнула на дверь детской.

– Десять минут как уснул, – сказала она. – Хорошо поел. Потеребил утяжелитель. Похихикал, поиграл, похныкал секунд пятнадцать и отключился.

– Спасибо, мама, – сказал Кит.

Жизель, поднявшись, обняла его.

– Это не для тебя, – шепнула она так тихо, чтобы слышал только он. – Я наслаждаюсь ролью бабушки про запас. На зиму.

Когда она ушла, Рохи, тихо ступая, чтобы не разбудить малыша, отправилась в свой кабинет, а Кит сел за рабочий стол и вывел на него список сообщений.

И включил видеозапись.

– Привет, папа. Я тоже тебя люблю. Спасибо что ради переписки подошли так близко. Я понимаю, как это было трудно. И люблю тебя за это. Родить ребенка – страшнее всего, что я в жизни делал, и мне это нравится. Я люблю малыша. Мне нравится быть отцом. Я понимаю, что у вас с мамой могло сложиться и по-другому. Но, как бы ни сложилось, я всегда знал, что ты обо мне заботишься. Этому я научился от тебя. Если это – единственное, что я сумею передать дальше, считаю, уже немало. Это великое наследство. Кроме шуток – лучшее, что может быть.

Он прикинул, что бы еще добавить, но усталость уже просочилась в мозг, и он ничего не сумел придумать.

Он пересмотрел сообщение, отослал, очистил систему, как всегда, когда получал что-то через подпольную сеть, принял душ и отправился спать.

Рохи в постели не было. Он нашел ее над детской кроваткой. Она любовалась на сотворенную с ним вдвоем новую жизнь. Круглое пузико Бакари поднималось и опускалось с сонным дыханием. Кит постоял с ней и с ним.

– Он крепкий парень, а? – сказал Рохи.

– Да. И родители его любят.

– Вот и хорошо. Идем.

Глава 10. Фаиз

Обычно те, кто выбирает профессией геологию, не целят в делатели королей. Между полевым анализом осадочных пород и подчинением людей своему влиянию в вопросах жизни и смерти не так уж много пересечений. А уж что касается политического влияния на галактическую империю, они и вовсе почти не соприкасаются.

Фаиз не думал, не гадал – нечаянно попал.

Он парил в личной каюте Ли, в руке держал желтоватую грушу с виски. Насыщенный, с торфяным привкусом напиток был для него, пока шли под тягой, резковат. Но пара недель в невесомости почему-то притупляла чувствительность вкусовых рецепторов, так что сейчас виски был в самый раз. Заместитель Элви, Ли, просматривал список сообщений из дома. Вернее сказать, с Лаконии. Фаиз, хоть и прожил на планете не один год, домом ее не считал.

– Вот, – оттолкнувшись от рабочей установки, сказал Ли.

– Ну, и что мы здесь видим? – осведомился Фаиз.

– Это Галван ад-Дин, – объяснил Ли. – Ведущий научный сотрудник в отделе физической экстраполяции.

– Ясно. То есть я здесь ничего не пойму?

– Я попросил его приспособить изложение для просвещенного мирянина.

Экран переключился на изображение узколицего мужчины с большой, аккуратно подстриженной бородой, в строгой рубашке без ворота. Его кивок в камеру чуть-чуть не дотягивал до поклона.

– Благодарю, что уделите время, доктор Саркис. Хочу сказать вам, как это ценно для меня.

Фаиз, пользуясь тем, что смотрит в записи, шумно выдохнул.

– Я хотел бы поделиться с вами некоторыми соображениями, выдвинутыми моей группой. Думаю, вы найдете их многообещающими, – проговорил узколицый и заметно подтянулся. Выражение его лица Фаиз определил бы как попытку школьного учителя стать доступнее. – Вам, несомненно, известно, что свет есть феномен мембраны на поверхности времени.

Фаиз до последней капли осушил грушу и сложил руки. Ли его подготовил.

Получасовая речь ад-Дина сводилась к на удивление вразумительному выводу, что эволюция «медлительной медузы» Элви привела к возникновению сложной, широко распределенной мозгоподобной структуры, существование которой обеспечивал невероятный факт, что временное расширение допускает одномоментность излучения далеких звезд и поглощения фотонов глазом наблюдателя, даже если внешнему наблюдателю, например Фаизу, представляется, что их разделяют годы пути. Скоростной предел в подобных системах всегда определяется массой, поэтому технологии перемещения массы – манипуляции с инерцией и «срезание пути» через врата – должны иметь для них первостепенное значение, что и подтверждается наблюдениями.

К окончанию презентации Фаиз и, судя по его виду, ад-Дин одинаково вымотались, а ведь он даже не допил вторую порцию виски.

– Надеюсь, теперь вы видите, – заключил ад-Дин, – какие надежды внушает это направление. Вот почему я вынужден обратиться к вам за помощью. Новые распоряжения научного директората превращают нас в мальчиков на побегушках у полковника Танаки... Я никоим образом не оспариваю права верховного консула решать, в какую сторону направить наши усилия, но у вас есть доступ к его уху. Если вы сумеете его убедить не препятствовать нашей работе без крайней нужды для империи... Я... я говорю это только потому, что чувствую: нам остался один шаг до прорыва, и я хотел бы, чтобы верховный консул в полной мере учитывал

это при принятии решений относительно нашей группы. Благодарю вас. Благодарю, что уделили нам время.

Ад-Дин нервно облизнул губы, и сообщение закончилось.

«Как мило: этот хрен ученый еще делает вид, что над ним есть какой-то верховный консул», – подумал Фаиз, но вслух не сказал. Даже делателю королей не стоит так рисковать.

– У меня таких полдюжины, – заговорил Ли. – Научным группам и целым направлениям приказано исполнять все запросы Танаки. Некоторых она уже переключила на другую работу.

– Но должны же они понимать, что мы ни черта не можем. Мы же буквально ни черта не можем. Вам хоть объяснили, чем занята эта Танака?

– Объяснили, – кивнул Ли и подчеркнуто не стал развивать тему. – У нас множество абсолютно внеочередных дел. Всех не переделаешь.

– Это понятно, – сказал Фаиз. – Но это же не Элви решает. Она очень либеральна в вопросе самостоятельного определения целей научной работы.

– Но она – почитаемая святая Святого Духа Дуарте, – заметил Ли, – вот к ней и обращаются за заступничеством.

– И просят вас попросить меня, чтобы я попросил ее, – перечислил Фаиз. – Нет, еще звено пропустил.

Чтобы она попросила его. Конкретно, Трехо.

– Да.

– При нашей организации удивляюсь, как людям еще позволяют выбирать себе ботинки. Я с ней поговорю, но вы же ее видели.

– Да. Спасибо, доктор Саркис.

– Будете и дальше меня подпаивать – рискуете вскружить мне голову, доктор Ли.

Сдержанная улыбка выразила всю доступную этому человеку симпатию. Фаизу Ли нравился.

Коридоры «Сокола» гудели и сияли. Он передвигался по ним от скобы к скобе – все синие, в цвет лаконского флага. Молодые члены команды, бывало, на манер астеров проскакивали от перекрестка до перекрестка, не коснувшись стены.

Фаиз так не делал. Его в последние десятилетия больше интересовало, как добраться до цели, не повредив сухожилий.

С компетентностью одна беда – она не переносима на другие условия. Уинстон Дуарте отточил зубы на логистике Марсианского военного флота – где, судя по всему, был непризнанным гением. Всякому видно, как его блестящий талант в этой области помог в создании передовой империи. Он пошел дальше того – ворованный образец протомолекулы и умеющие его использовать специалисты помогли укротить технику чужаков и прижать к ногтю все человечество. Во всяком случае, на время.

Но талант в одном – будь ты даже первым из миллиардов – не делает тебя талантливым во всем. Просто дает власть, при которой человек не знает ни в чем отказа. И оттого ко времени, когда Дуарте взялся лепить из себя бессмертного божественного правителя – не ради себя, а жертвуя собой, чтобы обеспечить человечеству непрерывность власти, необходимую для штурма небес и убийства Бога, – он уже уговорил себя и приближенных, будто и в самом деле так хорош, как уверяли льстецы.

И совсем немногие имели официальную информацию о том, как плохо кончился его замысел. Среди немногих была Элви. И Фаиз.

Еще из коридора, ведущего к лаборатории, он услышал голоса Элви и Кары. Элви оставила дверь открытой. Кара плавала между рабочим столом и медсканерами. Девушка – девочка? – так и светилась от волнения и бурно жестикулировала, словно то, что она пыталась объяснить, не укладывалось в слова. Элви, пристегнувшись в кресле-амортизаторе, делала заметки. Если не считать бросающегося в глаза родственного несходства, Фаизу они напо-

нили бабушку и внуку, вместе трудящихся над увлекательной головоломкой. Он еще не разбирал, о чем разговор, но интонации были более чем красноречивы. Тут подходило определение «восторженный энтузиазм». «Маниакальная страсть» тоже подошло бы.

– Так вот что означал... свет? – говорила Кара. – Как если бы мы, съев чьи-то глаза, становились зрячими?

– Похоже на то, – согласилась Элви.

– На что? – вмешался Фаиз. – На что похоже? Я тут услышал недавно кое-что про свет – ну очень странное.

В улыбке Элви не было ни капли раздражения, а в улыбке Карты – совсем немножко.

– Похоже, что наши моллюски достигли важной вехи, – объяснила Элви. – Они освоили метод передачи информации с материей – вроде передачи плазмид у бактерий. Если мы правильно поняли, они вступили в симбиотические отношения или научились паразитировать на мелких слизневиках, способных погружаться в вулканические источники и возвращаться живыми.

– Ух, как неприлично, – бросил Фаиз, целиком вплывая в дверь. Лаборатория была тесновата для троих, но Кара, подтянувшись к стене, освободила ему место. – А глаза тут при чем?

– Они перенимали эволюционные новшества более расторопных экосистем. То, что погружалось в источники, развило у себя рудиментарное инфракрасное зрение, полезное для ориентации. Наши медузы заполучили этот зародыш глаза, перенесли его на механизм сигнальных белков, и вот им уже не нужно перебрасываться плазмидами для передачи информации. У них есть инфракрасный семафор.

– Нет, там был свет, – поправила Кара.

– Может, биолюминесценция, – согласилась Элви. – С этого момента очень медлительные организмы начали переговариваться очень-очень быстро. И походили уже не столько на медуз, сколько на свободно плавающие нейроны. Плюс к тому, мы уже видели мудрую стратегию – посылать в неблагоприятные биомы полубиологических разведчиков и встраивать в найденную там жизнь свои инструкции. А это, прошу заметить, уже сильно напоминает сделанное протомолекулой на Фебе... – Она осеклась, и улыбка стала не такой радостной. – Но ты не о том хотел поговорить?

– Ваш доклад стоило бы дослушать до конца, – сказал Фаиз, – но, да, я хотел о другом.

– Кара? Давай ненадолго прервемся.

Черные глаза на долю секунды застыли, потом взгляд метнулся к Фаизу и ушел в сторону.

– Конечно, почему бы нет.

Кара толкнулась и выплыла в коридор, закрыв за собой дверь кабинета. Фаиз подтянулся к медсканерам. На экране еще висели данные по Каре. Он проследил кривую метаболизма гормонов стресса. Раньше он не знал об их существовании – пока Элви не объяснила.

– Не такой уж высокий уровень, – словно оправдываясь, заявила та. – Да мы и не знаем верхней границы нормы для таких модифицированных организмов.

– Не знал, что на сегодня запланировано погружение, – заметил Фаиз.

– Ей хотелось. Ты и не за этим пришел, да?

Он закрыл экран, развернулся лицом к Элви и нащупал ступней упор для ног.

– Эта Танака создает проблемы.

Элви и раньше выглядела усталой, а теперь стало еще хуже.

– Что у нас там?

– Она перераспределяет рабочие группы и ставит им новые задачи. Вместо глубокой разведки они переключаются на поиски артефакта, который то ли покинул, то ли не покинул Лаконию, и занимаются глубоким сканированием мозга Трехо в поисках... уж не знаю чего.

– Следов вмешательства, – подсказала Элви. – Признаков существующей прямой нейронной связи, вроде той, что на Илосе связывала Холдена с останками Миллера.

– Так ты знала?

Элви беспомощно развела руками.

– Она выше меня чином.

– Но ты управляешь научным директором.

– И раньше это что-то значило, а теперь нет. В данный момент ее приказы исходят, можно сказать, из администрации самого Господа.

– Ученые просят у тебя защиты от чиновников.

– Они добиваются, чтобы я уговорила Дуарте наперекор Трехо отозвать ее полномочия, – уточнила Элви. – В их планах есть одно слабое место.

– Что Дуарте больше не существует в природе?

– Что, пока Танака его не нашла, я его ни о чем попросить не могу.

Фаиз помолчал. Не хотелось ему переходить к следующему вопросу, но пришлось.

– Ты в это веришь?

Одним вздохом Элви показала, что разделяет его мысли и подозрения.

– В смысле, верю ли, что Танака ищет нового Дуарте, который вышел из комы и куда-то подевался?

– Или Трехо подбрасывает нам дезу и проверяет, дойдет ли она до подполья? Все это может быть проверкой. Вполне возможно, что Дуарте сейчас кормят жидкой овсянкой в здании Государственного совета. А мы и не узнаем, пока доктор Ли не получит тайный приказ пустить нам с тобой по пуле в затылки. Мы высоко стоим в пищевой пирамиде, однако Трехо по-прежнему всевластный деспот, а прецедентов тому хватало.

– Я не могу об этом думать, – отрезала Элви. – Мне не до игр. Ни сил, ни энергии на это нет.

– Ты могла бы не пересылать новых результатов Джиму и Нагате.

Элви кивнула – но не в знак согласия.

Фаиз кончиками пальцев прижал себе веки.

– Малыш...

Она остановила его.

– Их больше, чем мы думали.

– Чего больше?

– Инцидентов. Таких, как в Гедаре. Мы видим только те пули, что свистят над самым ухом. Отключенное сознание – это почти попадание в цель, но я просила Очиду поискать другие аномалии вроде возрастания скорости света на Гедаре. Они все время возникают.

– Как это – все время? – холодея, переспросил Фаиз.

– Изменения при аннигиляции виртуальных частиц в системах Патриа, Фелицита и Кунулун. Изменения световой в системах Лета и Фархоум. Масса электронов в системе Хаза изменилась почти на две минуты. Масса электронов! По всей системе Святыня возросла сила тяготения на одну десятую процента – на шесть секунд.

– Ну да, от каждого в отдельности волосы дыбом.

– Это за одни сутки. Те, кто это продельывает, заглядывают нам прямо в окна, высматривают, чем бы нас всех прикончить, а я понятия не имею, как защищать от атаки физические константы. Рано или поздно они придумают, как запустить распад вакуума или еще что. Так что я намерена и дальше делать все, что могу, и, да, это значит – делиться данными. Потому что, если таким способом мы добьемся прорыва, оно того стоит. А если бедняге Ли придется меня за это убить, это уже не моя проблема.

– Хорошо, я понял.

– Трехо бьется за власть над империей. Я бьюсь за что-то похожее на вселенную, в которой есть жизнь.

– Я понял, – повторил он, но она уже завелась и не могла остановиться. Пока не спустит пар.

– Если есть шанс – хоть один на миллиард – понять, что это такое, я им воспользуюсь. Если за это придется платить – заплачу. Даже не задумаюсь. Открою бумажник, и пусть мироздание берет, сколько считает нужным. Такая игра. И, да, я очень-очень надеюсь, что Дуарте вышел из состояния овоща и сбежал заниматься тем, чем там занимаются на пенсии бывшие императоры, наполовину состоящие из этой сраной протомолекулы, потому что тогда, значит, Трехо не ради дворцовых интриг отвлекает меня от работы. Но кто это может знать? Только не я.

Она замолчала, скованно, сердито качая головой.

Фаиз придержался за скобу.

– Чем тебе помочь?

– Все тем же. Помогите мне делать дело. Будем надеяться, мы успеем вовремя.

– Хорошо, – сказал он. – Это я могу.

– Извини. Я не хотела...

– Не за что тебе извиняться. Ты права. Я усвоил.

Она взяла его за руку. Ее ладонь была холодной. И сухой. Она так исхудала, что он прощупал скользящие по косточкам жилки.

– Прости, что и тебя втянула.

– Тут и правда похоже на ад. Зато в хорошей компании.

– Если уж выбирать, с кем встретить конец всему, я бы выбрала только тебя.

– За красивую задницу, да? Это моя тайная сила.

Она выдавила улыбку.

– Ты меня насквозь видишь.

– Моими ягодицами можно орехи колоть, – заявил Фаиз. – То есть ты не обязана их потом есть, но...

– Я тебя люблю, – сказала она. – Хватит меня смешить. Позови обратно Кару. У меня еще работа есть.

Он нашел Кару в их с Ксаном каюте. Они оба плавали над койками, Ксан азартно пересказывал какое-то шоу, Кара слушала со скучливым вниманием – эту мину старшие сестры носили на лице с доисторических времен. В нынешней обстановке от столь нормального зрелища тепло на душе. Фаиз прокашлялся, и девочка обернулась к нему с откровенной радостью, а Ксан столь же откровенно расстроился.

– Доктор Окойе готова? – спросила Кара так жадно, что Фаизу опять стало не по себе. Он скрыл тревогу.

– Готова. Извини, что помешал. Мне надо было кое-что с ней обсудить.

– Ничего, – сказал Кара. – Но мне надо идти.

Фаиз подтянулся к дверной раме, и девочка вылетела в коридор. Когда она проплывала мимо, у него в который раз закружилась голова: его вестибулярный аппарат утверждал, что Кара не плыла налево по коридору, а головой вперед падала вниз. Фаиз ухватился за скобу, сделал несколько вдохов, и ощущение прошло.

– Вам плохо? – спросил Ксан.

– Нет. Просто... никак не привыкну к невесомости. Я вырос в гравитационном колодце, и кое-что в меня вшито накрепко.

– Да, я слышал, – сказал Ксан и, перевернувшись, коснулся потолка, чтобы уйти к полу.

Трудно было понять, что выражает его лицо. Он несколько десятилетий прожил маленьким мальчиком и, имея взрослый опыт в сочетании с детской структурой мозга, был не ребенком и не взрослым. Как и его сестра. Невозможно видеть в них детей – и не видеть невозможно.

Ксан пришелкнулся к палубе магнитными подошвами и повернулся свободно, словно в поле тяготения.

– А ты как? – спросил Фаиз. – У тебя все хорошо?

– Я беспокоюсь за Кару, – сразу отозвался мальчик. – Она каждый раз возвращается другой.

– Да ну? Как – другой?

– Меняется, – сказал Ксан. – Эта штука, которая ее учит, – она ее еще и переделывает.

Холодок, пробравший Фаиза, не имел отношения к температуре воздуха. Однако он продолжил в том же легком дружеском тоне:

– А во что переделывает, как тебе кажется?

Ксан покачал головой: «Не знаю». И сказал:

– Мы выясним.

Глава 11. Тереза

Новый Египет принадлежал к молодым колониям – всего пятнадцать лет от первых поселенцев. На его двух планетах хватало пригодных для жизни мест. Школа, в которой ей предстояло жить, как и большая часть поселений, располагалась на меньшей из двух – четвертой от солнца. Тяготение этой планеты – Абассии – было чуть меньше трех четвертей g , а сутки на ней составляли тридцать часов. По не вполне установленным причинам здесь имелось сильное магнитное поле, необходимое для защиты от мощных и частых вспышек на солнце. Даже вблизи экватора можно было полюбоваться великолепным полярным сиянием.

Общее население двух планет не дотягивало до численности лаконской столицы, да еще было размазано по полудюжине маленьких городов и двум десяткам горнодобывающих предприятий. Океан покрывал лишь треть поверхности Абассии, а большая часть континентов была засушливой, хотя возвышенности северного и южного полушария заросли пышным аналогом горных лесов.

Пресвитерианская академия Сохага располагалась в речной долине на юге, в нескольких сотнях километров от «Нувель Эколь», с которой работала по общему учебному плану. Территория учебного заведения занимала чуть меньше тысячи терраформированных и окультуренных гектаров. Здания незадолго до смерти проектировал Альваро Пио, и они значились в топе архитектурных достопримечательностей новых миров.

Тереза разглядывала снимки кампуса с улыбчивой молодежью – ее сверстниками или чуть старше. И пыталась вообразить среди них себя. Пыталась найти себя среди людей на фото.

«Теперь это будет мой дом. Если все сложится».

Однако походило на то, что может и не сложиться.

Вся команда, собравшись в рубке, рассматривала на экране тактическую схему системы Новый Египет. Все внимание – и Терезы тоже – было сосредоточено на корабле, только что проскочившем оставшиеся в шести а.е. позади врата и разгоняющемся в сторону Абассии.

– Подполье не предупреждало о плановых переходах, – сказала Наоми. – Но это ведь обычная беда. Единого графика рейсов не существует, а если бы и существовал, кто-нибудь то и дело норовит проскочить контрабандой.

– А по подписи двигателя что-то есть? – спросил Джим.

– В наших списках ничего похожего, – ответил ему Алекс. – Но это ничего не значит. Может, его строили или меняли двигатель на верфях Бара Гаона или Оберона. И в других системах есть приличные верфи. Теперь не то, что раньше, когда все шло из Сол.

– Знаю, – кивнул Джим.

Алекс увеличил изображение, но все равно корабля было не рассмотреть – черная точка на фоне яркого выброса из дюз. Несколько десятков метров керамики и карбосиликатного кружева за девятьсот миллионов километров. Они и то, что видели, разглядели чудом.

– Вполне вероятно совпадение.

– Да, – проговорил Джим, тоном показывая, что не согласен.

Амос скрестил на груди мощные руки и улыбнулся. Улыбался он просто так. Тереза до сих пор про себя думала о нем как о Тимоти. Тимоти всегда улыбался, даже когда прятался в пещере.

Джим тяжело вздохнул и выдохнул:

– Но если корабль лаконский...

– То вряд ли идет по нашему следу, – закончила за него Наоми. – Мы соблюдали радиомолчание. Даже с местной сетью трансляторов не переговаривались. Если они заранее не знали, что мы направимся сюда...

– Скорей всего, он как раз то, чем кажется, – заявил Амос. – Грузовик везет груз. Или пират. Пират – это тоже хорошо.

– Меня не шансы волнуют, – сказал Джим, – а ставка. Не хотелось бы, чтобы они проследили нас до посадки.

– Я могу сесть, когда космодром окажется на дальней от него стороне, – предложил Алекс. – Прощмыгнем, выбросим Терезу с псиной и выскочим из атмосферы, так что они и взлета не увидят. Даже если следят – не узнают, где мы побывали. И вообще садились ли.

Слушая их, Тереза одновременно прислушивалась к нарастающему в животе ощущению. Похоже на комок. Или на камень. У него и вкус был. Она отстегнулась от амортизатора и толкнулась в сторону лифта. Сама не знала куда, но не могла больше слушать, как экипаж «Росинанта» обсуждает способ от нее избавиться.

Она миновала каюты жилой палубы, в том числе и свою. Ондатра вопросительно тявкнула, но Тереза не отозвалась, двинулась дальше. По нынешним временам самым безопасным и уютным местом ей представлялась машинная мастерская. Тереза достала составленный Амосом список дел. Пора проверить химические датчики водоснабжения. Раньше она этой работы не делала, но к пункту в списке прилагались инструкции. Дочитав их, она собрала инструменты и направилась к цистернам. У нее ныли десны – девочка заставила себя разжать зубы.

Путь от системы к системе занял много времени. Жидкостных амортизаторов, позволявших выносить тяжелейшие перегрузки, на «Росинанте» не было. Поручения Амоса позволяли ей заполнить пустоту на месте Илича и других учителей, и Тереза цеплялась за это – не потому что ей так уж нравилась работа, а потому что так было привычнее. И еще так она чувствовала, что у нее есть свое законное место.

Она почти справилась с прилипшим к ладони пузырем размером с ее кулак, когда рядом появился Амос. Он ничего не сказал, просто взял маленький ручной пылесос и собрал с ее запястья пролитую воду. Он подавал ей нужные инструменты и держал их, пока они не требовались. С ним работа пошла быстрее. В конечном счете обнаружилось, что два из шестидесяти датчиков периодически выдают ошибку. А беспокоиться насчет качества воды следовало после отказа половины датчиков. Все-таки она записала оба неисправных на замену. Согласно мировоззрению Амоса, менять неисправное надо было до отказа, а не после. Она считала, что это разумное правило.

– Такое дело, – заговорил он. – Случилось это на Земле, когда я был еще моложе тебя теперь. Знал я одного паренька. Родители у него в одну ночь померли от передоза. В его пользу было, что они зарегистрировали его рождение, так что не всем оказалось наплевать. А минус – что он попал в систему приемных семей. Там ему здорово досталось.

– При агрессивно индивидуалистическом общественном устройстве насилие со стороны опекунов – обычное дело. Я два года назад занималась реформой социальных служб. Мы этот вопрос изучали.

– Да, так для него был еще один минус. Парень был из тех, кто рад бы пустить где-то корни, понимаешь? Где бы ни оказался, находил, за что уцепиться, и держался. Сунь его на неделю в незнакомый город – он уже завел себе любимый парк. И тому подобное дерьмо. Только его мотало по приемным семьям, так что каждые несколько месяцев приходилось все начинать сначала.

– Это что, вдохновляющая история, как он нашел свой истинный дом в самом себе?

Амос по обыкновению на секунду замер, потом взглянул виновато.

– В итоге он пристрастился к самодельной наркоте и потихоньку расплавил себе нервную систему. Так что нет, это не о том. Я хотел сказать, что не тебе одной тяжело расставаться, переходить к новому. Не знаю.

Думал, вдруг тебе от этого полегчает.

– А тебе?

– Мне здесь хорошо, – сказал он. – Но, пока сюда добрался, было не больно приятно. Тебе бы не понравилось.

Они минуту помолчали. Рукав у нее еще не просох.

Липнул к руке.

– Я злюсь, – сказала она.

– Знаю.

– Меня как будто вышвыривают. Убирают, как помеху какую-то.

– Я тебя понимаю.

– Как будто им все равно, кто я и чего мне хочется. Я понимаю, что это бред. И уж точно – преувеличение, но это сидит как заноза, и не выковыряешь. Сидит, цепляет нервные окончания, и, как заденешь, каждый раз больно.

– Да...

Она посидела, прислушиваясь к стуку крови в висках, к сумятице мыслей.

– Я на самом деле не на капитана злюсь, да? На отца.

– Может, тебе школа пойдет на пользу, Кроха. Уж всяко здоровее, чем сидеть на ветхом военном корабле, где ни одного сверстника поблизости.

– А мне здесь нравится. И тебе нравится, что я здесь, верно?

– Нет, – сказал Амос. – Я не хотел бы, чтобы ты осталась.

Лучше бы он пнул ее в живот.

– Но...

– Слушай, Кроха, я не раз видел, как умирают люди. Бывало, и друзья. Я почти привык. Но видеть, как умрешь ты, не готов. А ты умрешь, если останешься здесь, на корабле. Такой уж это корабль.

– И Джим то же говорит, – сказала Тереза.

– Вот как? Ну, мы с ним во многом сходимся.

– А мне вы кажетесь очень разными.

– Так и есть.

– Вы будете сражаться за спасение человечества. А я – думать о заданиях по алгебре?

– Ну а вдруг тебе повезет: мы победим – и алгебра в жизни пригодится. Потом пройдет лет двадцать-тридцать, и снова появится что-то такое, что грозит всем смертью, вот ты этим и займешься.

Она не собиралась плакать. И печалиться тоже. Амос склонился над ней, обнял большими жилистыми руками. На ощупь он был удивительно горячий, как будто температурил. Она прижалась к нему и все-таки расплакалась.

* * *

Сразу после посадки она попрощалась с Алексом и Наоми. Они сели поодаль от школы, чтобы не повредить территорию, так что от старой жизни к новой предстоял еще небольшой пеший переход. Тереза старалась об этом не думать. Проще было притвориться, что она еще вернется на корабль. Что ей не придется начинать жизнь заново. А что она идет куда-то, переставляет ногу за ногой, ничего такого не значит.

Джим с Амосом пошли с ней – удостовериться, что все в порядке, но она видела: большей частью мысли у них заняты объявившимся кораблем. Они, как охрана здания Государственного совета, надели легкую броню и взяли личное оружие. У нее был только ранец с парой сложенных корабельных комбинезонов и собачьим кормом на несколько дней. Ондатра рысила рядом, тревожно поглядывая то на Терезу, то на Амоса.

Небо здесь было просторное, синее, с кучевыми облаками на горизонте. Перед ними открывалась долина – плавные изгибы, созданные эрозией, ветром и растениями. Местные

растения были все высокими и тонкими, стояли как трехметровые заросли голубоватых травинок. Ветер в них шуршал радиопомехами. Школьная территория выделялась на окружающей местности ровной разметкой и прямыми углами. Пахло здесь раскаленным металлом.

И никого не было.

– Учебный год начинается через две недели, – сказал Джим. – Ты, может быть, первой поспела.

– Это же интернат? – спросила Тереза.

– Все равно у них между полугодиями бывают каникулы. В смысле, разве нет?

Амос пожал плечами.

– В моем кругу мало кто учился в частных школах.

Нас ждут?

– Финли знает, что мы собирались, но Наоми требовала строгого радиомолчания. На всякий случай, понимаешь?

– Ясное дело, – откликнулся Амос.

Главная дорожка была посыпана мелким щебнем – светло-серым с розовыми, голубыми и золотистыми искорками. В стороне от дорожки стояла бездействующая «землеройка». Ее широкие гусеницы оставили полуметровый след. Потревоженная почва была темной, влажной. Солнце еще не успело ее высушить. Амос неопределенно улыбался и походил на наслаждающегося видами туриста. А Джим вроде бы напрягся.

Они дошли до главного двора между трехэтажными зданиями. Просветы между ними были укрыты навесом. На камне фонтанов остались минеральные натеки – там, где, когда фонтаны работали, текла вода.

Тереза все это знала по описаниям школы. Сочетание светлого дерева со стеклом могло быть очень интересным с архитектурной точки зрения, а ей представлялось просто неестественным. А вот улыбчивых ребят и серьезных наставников в кампусе не было. Ондатра, заскулив, прижалась к ноге хозяйки.

– Да, собачина, – обратился к ней Амос, – и у меня тоже шерсть дыбом.

В десяти метрах перед ними отворилась двойная дверь главного здания, из нее вышла женщина. Она держала руки по бокам, раскрытые ладони были пусты. Высокая женщина с длинными руками и ногами, с высокими скулами, темноглазая, с туго натянутой на лице кожей, она походила на деревянную статуэтку. Возраста Тереза бы не угадала, зато узнала форму лаконского десанта.

Джим тихо выругался.

– Я без оружия, – сказала женщина.

И манера говорить была Терезе знакома. Офицерский голос. Отрывистая речь и уверенность в повиновении. Дворец ее отца был полон такими голосами.

– Я вам не угрожаю. Не создавайте напряженности.

– Что вы здесь делаете? – громко, чтобы слышно было через двор, спросила Тереза. – Вы знаете, кто я?

Амос взял ее за плечо и ласково потянул назад. Джим смотрел круглыми глазами, в лице ни кровинки. Не будь это лицо так спокойно, она бы решила, что у него паническая атака.

– Да, я тебя знаю, – сказала женщина. – Ты Тереза Дуарте. Я – полковник Танака, лаконский десант. А вы, если не ошибаюсь, капитан Холден. Должна сказать, вы меня удивили. Была уверена, что вы передадите ее на другой корабль. Яйца, корзины... сами знаете.

Джим молчал. Окаменел. Ох, подумала Тереза, у него и вправду будет паническая атака.

– Я никому здесь не желаю зла, – продолжала Танака. – Мне нужна помощь этой девочки.

– Я здесь по собственному желанию, – отозвалась Тереза. – Если отец...

– В данный момент я куда лучше тебя осведомлена о состоянии твоего отца, – отрезала Танака.

Амос сунул руку в карман, будто бы лениво почесал бедро сквозь штанину, а смотрел вверх, на навес над двориком. Тереза расслышала слабый, далекий голос Алекса: «Что там у вас, верзила?»

– Если мы тут все друзья и просто поговорить сошлись, – громко и внятно произнес Амос, – что делают на крыше эти стрелки?

Тереза подняла глаза. Без уверенности, но вроде бы разглядела тени на полотне навеса. Сердце билось о ребра, словно выскочить хотело. Заскулила Ондатра, и девочка опустила ладонь на спину старой собаки.

– Он прав, – тверже, чем ожидала Тереза, выговорил Джим. – Это едва ли дружественный жест.

Женщина ни на секунду не сбилась.

– Вы правы. Желай я решить вопрос силой, он был бы уже решен. Но мне представляется, мы все здесь достаточно повидали перестрелок, чтобы понимать: когда начинается стрельба, остановиться вовремя уже очень трудно. А я, как и вы, не хотела бы, чтобы с девочкой что-то случилось.

– А где школьное начальство? – спросил Джим. – Директор должна была нас встречать.

– С ней ничего не случилось. Честно говоря, я надеялась застать Терезу уже здесь.

– Знай мы, что доставляем вам неудобство, поменяли бы график, – съязвил Джим. Он шутил, но голос звенел, как готовая лопнуть проволока.

– На вашем месте я самым первым делом позаботилась бы доставить ее в спокойное место. Вы не представляете, какое облегчение для меня – узнать, что я не зря тратила время.

– Уверены, что не зря? – спросил Джим.

– Я бы с этой не шутил, – тихонько подсказал Амос. В его голосе прорезался угрожающий звон, который Тереза слышала всего раз в жизни. «Закрой глаза, Кроха. Не надо тебе на это смотреть». Последние его слова, перед тем как его убили.

– Никому из нас нет нужды ссориться, – проговорила Танака и приблизилась на несколько шагов. Рук она не поднимала и даже пальцы растопырила, подчеркивая, что в них ничего нет. – Я не думаю вас арестовать, капитан Холден. Как и вашу команду. И ваш корабль. Вы свободны. Мои полномочия в настоящий момент весьма ограничены.

Тереза посмотрела на Джима и встретила его взгляд. Не отводя глаз, он выкрикнул:

– Откуда мне знать, что вы не откроете огонь, как только мы останемся без нее?!

У нее не было причин подозревать Джима в блефе. Тереза не сомневалась, что он отдаст ее Танаке, и сейчас облегчение осложнило ее страх. Они не хотели видеть, как она умрет. Теперь она их лучше понимала. Она тоже не хотела видеть, как погибают они.

– Я даю слово, – сказала Танака.

– Я бы предпочел более надежные гарантии.

– Не имею привычки нарушать слово. По-моему, этого достаточно.

Джим от Терезы снова обернулся к женщине. Амос принялся тихо немелодично мычать себе под нос. Тени на полотне навеса увеличились и больше походили на лаконскую силовую броню.

– Не уверен, что достаточно, однако я готов обсудить варианты. Позвольте нам вернуться на корабль. Как только мы войдем в люк, я выпущу девочку – одну.

Улыбка Танаки застыла.

– Позвольте внести встречное предложение. Как насчет исполнить мои требования, чтобы все остались живы?

Джим напрягся. Он от страха мог натворить глупостей, а Танака наращивала напряженность. Терезу обучали стратегии переговоров вплоть до переговоров о заложниках. Джим вот-вот все испортит. Придется ей перехватить управление.

– Мне немножко надоело, что меня считают багажом. Говорить обо мне надо не с ним, а со мной. Я решаю, на каком корабле отсюда улечу. А не он.

Ондатра, уловив напряжение, залаяла, припадая на передние лапы. Танака улыбнулась – холодно.

– Хорошо, – сказала она. – Прошу тебя лететь со мной. Взамен я не стану убивать твоих друзей.

– Ты не обязана, – тихо, только для нее проговорил Джим.

Он и сейчас, когда желание от нее избавиться привело его на эту планету, готов был за нее умереть. Ком под ложечкой сменился чем-то теплым, утешительным.

Хватит с нее и этого.

– Я лечу, – сказала Тереза, но ее никто не услышал.

Шум радиопомех, исходивший от деревьев-травин, внезапно перешел в оглушительный рокот. Ей пришла мысль о землетрясении или грохочущем копытами стаде.

Горло Танаки вздрагивало – она вела с кем-то неслышные переговоры.

– Считаю до трех! – выкрикнула Танака. – Один...

Амос коротко выругался, встал перед Терезой и обнажил оружие.

Глава 12. Танака

Девчонка с вызовом, скрестив руки на груди, смотрела на нее: воплощенная уверенность в своем месте в порядке вещей. Мир без нее не обойдется. Танака и в других такое видела не раз. А потом видела удивление и обиду в глазах умирающих.

Сама она подобных иллюзий не питала.

Каждому умирать в свой срок, а вселенной на вас наплевать. Поэтому девчонка стояла перед ней, ничем не защищенная, кроме случайно доставшегося ей могущественного папаши, а на Танаке под верхней одеждой был противопулевой костюм из карбосиликатного кружева – такой только из ракетомета пробьешь.

– Мне немножко надоело, что меня считают багажом. Говорить обо мне надо не с ним, а со мной. Я решаю, на каком корабле отсюда улечу. А не он.

«Ах, малышка, – подумала про себя Танака, – знала бы ты».

У нее чесались руки: дочь Дуарте совсем рядом – и не схватить? Дюжина быстрых шагов – и в ее распоряжении девочка, беглый пленник и террорист, по всей видимости, выживший, несмотря на пулю в затылок. Но смерть девочки несла в себе много неприятных последствий, а риск был ненулевой. И, вместо того чтобы хватать, Танака улыбнулась и чуть шире развела руки, изображая полную безобидность. Может, Джеймс Холден на переходе от среднего возраста к старости и пообтесал себе углы, но все еще был опасен. А насчет стоявшей рядом с ним горы мышц, именуемой Амосом Бартоном, у нее в блокнотике накопилось немало вопросов. Танака не склонна была недооценивать ни того, ни другого. Собака залаяла, припадая и подскакивая на передних лапах. Не обученный бойцовый пес, а одряхлевший домашний любимчик. Из досье девочки Танака знала, что ее проще будет контролировать, если не трогать животное.

«Мы тут все друзья», – улыбнулась она. Хорошо бы это было правдой. На случай, если нет, за поясом у нее торчал крупнокалиберный пистолет, заряженный мощными разрывными.

– Аспид-один, – прозвучало у нее в ухе. – Проверка.

– Аспид-два на юго-восточном углу. Держу Холдена, – отозвался другой голос.

– Аспид-четыре на северо-восточном, держу Блут¹, – сообщил третий.

– Третий, за мной юг.

Танака улыбнулась. Как бы ни обернулось, противник капитально влип.

– Хорошо, – продолжая тянуть время, обратилась она к Терезе. – Прошу тебя лететь со мной. Взамен я не стану убивать твоих друзей.

Девчонка колебалась. В угрозу себе она бы не поверила. До конца – не поверила бы. А в угрозу друзьям верит. Судя по досье, она страдает выраженным комплексом заброшенности. Такие вещи, если не дают тебе силу, делают слабым.

– Вы слышите? – спросил в микрофон Аспид-один. За его голосом пробивался фоновый шум.

Дальний рокот нарастал, высокие стебли в форме клинков пригибались под порывом ветра. Девчонка что-то сказала, но ее голос утонул в грохоте.

– «Ястреб», – позвала Танака, активировав микрофон в челюстной кости.

– Я Мугабо.

– «Росинант» на подходе.

Корабль Танаки капитан скрыл на дальней стороне планеты, подальше от глаз. Она об этом не жалела. Рано жалеть.

– Буду через двадцать.

---

¹ Блут – персонаж мультфильмов и комиксов, большой мускулистый хулиган. – Здесь и далее прим. пер.

Взгляд Танаки метнулся, оценивая потенциальное поле боя. Двадцать она вряд ли продержится.

– Обо мне забыть, – обратилась она к Мугабо. – Держите «Росинант». Он с девочкой на борту не должен покинуть планету.

– Вы... разрешаете применить силу? Даже с девочкой на борту?

Танака не ответила. Ей надо было накрыть цель до подхода «Росинанта». Если начнется бой, она рискует потерять девочку. А когда ее команда займется взрослыми и над головой зависнет «Ястреб», без боя не обойдется.

Не было ни времени, ни вариантов. По телу растекалось что-то похожее на наслаждение. Пора уже кому-то решать.

– Считаю до трех! – выкрикнула Танака, подкрепляя слова жестом «Иди сюда». – Один...

Бартон отбросил девочку себе за спину и обнажил оружие. Показался «Росинант» – он шел, почти касаясь кончиков растений, мощные посадочные двигатели на брюхе вминали в землю все, над чем он проходил. Танака невольно восхитилась дерзостью маневра. Она тут из кожи лезет, чтобы не подвергать ребенка опасности, а команда «Росинанта» готова придавить ее кораблем, лишь бы не отдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.